

Анастасия Логинова

ДВЕНАДЦАТЬ ДВЕРЕЙ

Анастасия Логинова

Двенадцать дверей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63421532

ISBN 9785005183255

Аннотация

«Двенадцать дверей» – не просто авантюрное фэнтези для детей и подростков. Эта книга приглашает вас в удивительное путешествие к самому себе. Рири и Тим открывают дверь за дверью и попадают в неизведанные миры, населённые диковинными обитателями – но на самом деле, исследуют теорию архетипов. Проходя испытания, герои знакомятся с основными психологическими портретами и учатся лучше понимать других и себя. Если вы искали подробный, доступный и весёлый путеводитель по архетипам – он перед вами.

Содержание

Предисловие редактора	7
Глава 1. Где я? Междудверье	11
Глава 2. Простодушный: как быть наивным	30
Глава 3. Славный малый: как стать частью племени	49
Глава 4. Эстет: как получить удовольствие	71
Глава 5. Шут: как веселиться	96
Глава 6. Герой: как совершить подвиг	121
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Двенадцать дверей

Анастасия Логинова

Иллюстратор Сергей Зиновкин

Редактор Анастасия Шевченко

Дизайнер обложки Ксения Погорелова

Фотограф Наталья Галецкая

© Анастасия Логинова, 2020

© Сергей Зиновкин, иллюстрации, 2020

© Ксения Погорелова, дизайн обложки, 2020

© Наталья Галецкая, фотографии, 2020

ISBN 978-5-0051-8325-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анастасия Логинова

ДВЕНАДЦАТЬ ДВЕРЕЙ

художник Сергей Зиновкин

2020

Предисловие редактора

Всё архетипичнее и архетипичнее, сказала бы Алиса, если бы прочитала книгу, о которой сегодня пойдет речь.

Даже при не очень прокаченном социальном опыте можно разбить людей на группы, основываясь на их поведении и способах восприятия. Благодаря статьям по популярной психологии и маркетингу и веселым флэшмодам Валентины Габышевой, известной в Живом Журнале и Facebook как Хло-Фло, мы знаем названия архетипов и их отличительные признаки.

В теории все довольно доступно, но многословно и не феришно, чего греха таить. На практике мало у кого есть время и желание разбираться в мотивационных типологиях, кто там Бунтарь, а кто Мудрец. А знание тем временем полезное – хотя бы для понимания себя, с которого начинается понимание окружающего мира.

Казалось бы, материалов по архетипам в сети предостаточно, но большинство из них опираются на работу Кэрол Пирсон и Маргарет Марк «Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов». Книга, безусловно, интересная, но не захватывающая. И ее, конечно, можно предложить человеку, стоящему на тонкой грани между детством и не-детством, когда уже хочешь понимать, что происходит вокруг, но еще не готов отказаться от любви к фантазиям и авантю-

рам – хотя бы книжным. Но пойдёт ли дело, вопрос спорный. Впрочем, возраст значения не имеет.

Анастасия Логинова задумала шалость. Она пересказала теорию архетипов так, что будет понятно и интересно ребенку. Впрочем, взрослые найдут тоже немало любопытного для себя и, самое главное, о себе тоже. «Двенадцать дверей» – как недвусмысленно намекает название – порталы в мир двенадцати архетипов. Это книга-квест, предлагающая приключение и развлечение одновременно.

Герои-подростки Рири и Тим переходят из мира в мир, готовясь сдать экзамен на некие знания, накопленные в пути. Они открывают двери, попадая каждый раз в новую реальность. Приключения в ней перемежаются флешбэками в прошлое Рири, которое она помнит лишь фрагментами, и историями встреченных персонажей. Каждый мир подчиняется определенным законам – мы уже знаем, что это актуальная определенному архетипу действительность. И исходя из прочитанного, ее легко примерить на себя так же, как это делают главные персонажи.

Если вы уже устали от заумных слов и гладких фраз – они ограничены этим текстом. Книга на самом деле очень динамичная, многослойная, в ней много иронии и неожиданных твистов. Важный для меня момент – все хвостики спрятаны, а ниточки подвязаны. Здесь нет лишних деталей – каждая имеет свое значение. Когда я читала, у меня – не принимавшей участие в хэппенингах Фло и лишь по диагонали ко-

гда-то читавшей о построении бренда на теории архетипов – возникло три ассоциации: «Лабиринт» Джима Хенсона с великим Боуи в главной роли, «Бесконечная история» Энде, экранизированная Петерсоном, и сценарий для квеструмов, в создании которых тоже доводилось участвовать.

Обучение в игре всегда проходит веселее, а результаты закрепляются лучше. Говорить с любым человеком, не только подростком, о психологии можно, опираясь на теорию, а можно предложить ему приключение. Теория архетипов как путь героя со всеми неизменными каноническими этапами и атрибутами? Да, определенно. Анастасия Логинова переколдовала, практически по Максусу Веберу, этот миф, сделав его доступным, забавным и очень увлекательным. Шалость, на мой взгляд, удалась.

*Анастасия Шевченко,
литобзреватель и редактор*

*Катерине, которой эта книга в самый раз,
и Владимиру, которому она пока на вырост.*

Представь, что ты – лист бумаги. Какой это будет лист? Ровный? Смятый? Пожелтевший от старости? Сверкающий белоснежной новизной? Листочек бумаги для заметок? Лист ватмана? Лист с детским рисунком или с научной статьёй? А может, лист, на котором было написано любовное письмо? Лист, разорванный пополам? Лист, подшитый в дело? Вставленный в рамку?

Я могу рассказать, какой лист бумаги я сейчас.

Я – лист со стёртыми записями. Замечали, как отличается абсолютно чистый лист от листа, на котором что-то было написано и с которого стёрли записи? На первый взгляд оба одинаковые. Но если посмотреть подольше, то начнёшь чувствовать смутные намёки, неявные подсказки. Тут что-то было.

Я точно кем-то была раньше, что-то знала раньше. Я могу сказать, кто такой хоккеист и как он выглядит. Но я не знаю, как выгляжу я. Я могу перечислить десятки, если не сотни названий книг. Но я не знаю своего имени. Я могу описать, как отличить спелый фрукт от зелёного. Но я не знаю, сколько мне лет.

Главное, что я не знаю, кто я, где я и как я здесь очутилась.

Смогу ли я узнать, кто я такая?

Смогу ли я узнать, как я это забыла?

Глава 1. Где я? Междудверье

Бывают ли комнаты без потолка? Уходящие вверх так далеко, что никогда не кончаются?

Комната, в которой я обнаружила себя, была такой высокой, что казалась бесконечной. А вот обойти её было нетрудно: она была сравнительно небольшой и круглой. В ней было множество дверей, расположенных через одинаковые промежутки. Между дверями были полки, лестницы, колонны и стволы деревьев. Да, огромные деревья росли прямо вдоль стен этой странной комнаты! Освещена она была потоками света откуда-то сверху. Там в переплетении ветвей и листьев терялись границы стен. Вокруг стоял щебет и гомон птиц, шуршание и писк животных. Как будто ты в лесу.

В центре комнаты располагалось возвышение, на котором стоял круглый стол. Он был покрыт красной скатертью, такой блестящей, что она казалась жемчужной. За столом стояло кресло. В кресле сидел человек. Высокий, худой, с большим крючковатым носом и жёстким выражением лица. Я не смогла определить, во что он был одет. Какие-то полотна чёрной ткани, затейливо собирающиеся в странноватое одеяние.

Я мельком оглядела себя. То же самое! И на мне были намотаны какие-то полотнища. Только моя хламида была белой.

Человек сидел неподвижно и не обращал на меня никакого внимания.

– Не хотите со мной общаться? И я не горю желанием, – мысленно сказала я человеку за столом.

Я стала не спеша обходить комнату. Странно, но я постоянно чувствовала на себе пристальный взгляд. Но сколько бы я ни оглядывалась, человек в красном кресле сидел неподвижно, не глядя на меня. Странно было не только это. Я никак не могла зайти за спину этого человека! Казалось, вся конструкция со столом и креслом неслышно вращается вслед за мной.

Комната была на редкость занимательной. В круглой стене я насчитала двенадцать дверей. Ни одна не была похожа на другую. Были двери красивые и изящные, грубые и покорёженные, дорогие, простые, странные, манящие и отталкивающие. На любой вкус.

На полках вдоль стен стояли клетки, в которых обитали весьма странные существа. Рогатый ёжик. Карликовая корова, покрытая пушистым белым мехом. Крупная длинноногая птица в очках. Крылатая змея. Очень толстая бабочка (интересно, что с ней? Может, она беременная? Бывают ли беременные бабочки?). Двадцатиногая ящерица.

Предметы, наваленные около клеток, тоже были любопытны. Там были склянки, пузырьки и баночки, набитые доверху, полупустые и совершенно пустые, холодное оружие, компьютерные мышки, сканеры, мобильные телефоны, компасы, глобусы, карты, игрушки, посуда...

Но больше всего меня тянуло полистать книги. Они были

старинные и запылённые как музейные фолианты. Но если в музеях полно строгих смотрительниц и табличек «Не трогать!», то здесь-то меня никто не остановит! Человек в кресле так и не проявил ко мне никакого интереса. Глубоко вдохнув, я протянула руку к одному особенно увесистому и аппетитному тому. И тут же отскочила прочь!

Из-за книг, из-под клеток, из каких-то незаметных углов и щелей показалось множество мерзких существ. У них были лягушачьи тела и мордочки, большие блестящие зелёные глаза, восемь лап, как у паука, и заострённые длинные уши, как у летучих мышей. Размером они были немного поменьше моего кулака.

Когда я протянула руку к книге, эти пауко-лягушки неодобрительно загудели хором: «У-у-у-у-у!» Некоторые из них подняли обрывки бумажек, на которых было написано: «Ай-яй-яй» и то самое ненавистное мне «Не трогать». Я виновато оглянулась на человека за столом. Он был всё так же безразличен ко всему. Знает ли он, что происходит в этой комнате?

Между тем зелёные морды спрятались. Тогда я решила взобраться по одной из нешироких лестниц, вившихся вдоль стен. Но едва я занесла ногу, чтобы поставить её на ступеньку, как опять раздался осуждающий хор и даже неодобрительное цоканье. Что это за существа? Почему они не дают мне ничего сделать? Ишь какие... Подпевалы!!!

Щёки мои пылали от возмущения. Ну хорошо, тогда я до-

бьюсь внимания от человека за столом!

Я направилась прямо к возвышению в центре комнаты. Но стоило мне приблизиться к столу, как моя решимость несколько остыла. Надо мной возвышалась равнодушная фигура человека в кресле. Я вдруг почувствовала себя такой маленькой.

Я занервничала. Вся ситуация напоминала мне экзамен, поэтому человека в кресле я мысленно назвала Экзаменатором. На столе Экзаменатора стояло десять одинаковых свечей, невысоких и толстых. Ни одна не горела.

Я негромко кашлянула. Нет реакции. Я кашлянула громче. Ничего. Я решила заговорить:

– Добрый день, – неуверенно начала я.

В комнате было несколько окон, но в некоторых из них полыхал закат, в других была звёздная ночь, а в третьих – голубое небо. Я не могла бы утверждать наверняка, что сейчас именно «добрый день».

Казалось, я оживила статую Экзаменатора. Он пошевелился и посмотрел своими колючими глазами мне в лицо. Мне стало ещё неуютнее.

– У тебя есть десять вопросов, – без предисловий объявил Экзаменатор. При этом он почему-то указал на свечи, стоявшие на столе. Голос его был похож на хруст сухой ветки. – Постарайся задать правильные. На неправильные ты ответа не получишь. Правильными вопросами являются те, ответы

на которые помогут тебе завершить твоё путешествие.

Я растерялась и брякнула то, что пришло в голову первым.

– Кто вы такой?

Один уголок рта Экзаменатора насмешливо пополз вверх, другой брезгливо скривился вниз. Крайняя в ряду свеча вдруг покраснела, раскалилась, почернела и взорвалась с негромким хлопком. Из щелей повыползали Подпевалы. Они зашлись в издевательских возгласах. Подпевалы свистели, гудели и издавали звуки, похожие на смесь хохота и кваканья. Некоторые из них подняли обрывки бумажек с надписью: «Неправильный вопрос!». Это я и сама уже поняла.

– А они кто такие? – спросила я у Экзаменатора, показав рукой на Подпевал. Следующая свечка покраснела и взорвалась. Экзаменатор слегка шевельнул левой бровью.

На этот раз Подпевалы не стали меня освистывать. Кажется, им понравилось, что я проявила к ним интерес. Они подтянулись поближе ко мне (малоприятное зрелище), некоторые из них тёрли себя лапками, как будто прихорашиваясь. По рядам Подпевал пронёсся шорох, отдалённо напоминавший вздох восхищения.

Я постаралась собраться с мыслями.

– Где я нахожусь? – спросила я. Я вся напряглась, ожидая, что сейчас взорвётся ещё одна свеча. Но на этот раз фитиль третьей свечи зажёгся. Она загорелась ровным ясным пламенем. Подпевалы зашлись в радостных воплях. Они тянули ко мне лапки с бумажками, на которых было нацарапано

«Правильный вопрос!» и «Рири – молодец». Значит, меня зовут Рири. Во всяком случае, в этой реальности.

– Ты находишься в царстве архетипов, – как будто нехотя ответил Экзаменатор. – Каждая из этих дверей ведёт в мир одного из двенадцати архетипов. Эта комната не принадлежит ни одному. Или принадлежит всем одновременно – как тебе больше нравится.

Помолчав и убедившись, что продолжения не будет, я задала новый вопрос:

– Как я сюда попала?

Четвёртая свеча взорвалась. Жалко. Подпевалы грустно заглядывали мне в лицо, как будто пытаюсь утешить.

– Что мне нужно будет сделать?

Свеча загорелась. Ура, я угадала правильный вопрос! Подпевалы зашлись в восторге! Некоторые делали колесо, другие прыгали или сучили в воздухе ножками, упав на спины. Мне стало так смешно, что захотелось раскланяться перед ними.

– Тебе нужно будет посетить каждый из двенадцати миров и понять, в чём уникальность каждого архетипа.

– Как я смогу переходить из одного мира в другой?

Следующая свеча тоже загорелась. По рядам Подпевал пролетел почти влюблённый вздох. Их зелёные блестящие глаза смотрели на меня отовсюду, как будто комната была наполнена роем светлячков.

– Нужно пройти в дверь. В каждый мир ведёт своя дверь.

– Мне надо будет пройти квест одной?

Экзаменатор немного помолчал, как будто колебался, зачитать вопрос или нет. Но спустя пару секунд следующая свеча всё же зажглась ярким весёлым пламенем. Подпевалы разразились возгласами восхищения. Одни скакали, делали в воздухе сальто, другие плакали, некоторые тянули вверх бумажки с изображёнными на них сердечками. Я выдохнула: пока Экзаменатор молчал, я непроизвольно задерживала дыхание в ожидание приговора.

– В одно время с тобой в путешествие пустился ещё один человек. Но встретитесь ли вы, зависит не от меня.

Подпевалы призывно гудели. Я скосила на них взгляд и увидела, что несколько Подпевал показывают мне фотографию мальчика с русыми аккуратно причёсанными волосами, под которой было написано «Тим».

Меня немного подбодрило то, что в путешествии я могу найти товарища. Я собралась с мыслями. На столе осталось всего три незажжённых свечи.

– Что такое архетипы? – спросила я наконец после долгого размышления.

Опять загорелась свеча: вопрос попал в цель.

– Это древнейшие комплексы образов, существующие в подсознании каждого человека, всех народов, во все времена. Они понятны каждому без объяснений и узнаваемы в любой культуре, – пояснил Экзаменатор. – Эти образы могут реализовываться и проявляться по-разному. Во внешне-

сти, в интерьере, в одежде, в сказке, в выборе слов. В поступках. В судьбе. Так что архетип может быть сказкой, ролью, моделью поведения.

Мда-а-а, яснее не стало. Ладно, будем разбираться на месте. Я сосредоточилась на последних вопросах.

– Какие бывают архетипы?

Опять возникла пауза перед тем, как загорелась очередная свеча. Экзаменатор почему-то молчал. И Подпевалы тоже молча смотрели на меня влюблёнными глазами, не выражая обычных восторгов.

– Этот вопрос правильный, – раздался мерный голос Экзаменатора. – Но ответа на него ты не получишь. Во всяком случае, сейчас. Ты должна будешь найти его в своём путешествии. У тебя остался последний вопрос.

Мне стало немного досадно, что я истратила свой шанс зря. И вдруг я поняла, что должна спросить!

– Как я узнаю, что прошла этот квест?

Последняя свеча вспыхнула ярким пламенем. Подпевалы дружно и радостно загудели.

– Посетив все двенадцать миров, ты снова попадёшь сюда. Я задам тебе несколько вопросов, чтобы удостовериться, что твоё путешествие не прошло зря. Если ты ответишь правильно, то после этого сможешь вернуться.

– Куда, куда вернуться? А если ответы будут неправильные? Почему я ничего не помню? А когда я вернусь, я вспомню? А кто я? И почему же я всё-таки очутилась здесь?

Увы, это были вопросы с одиннадцатого по шестнадцатый. Я даже не удивилась, что Экзаменатор совершенно проигнорировал мои отчаянные вопли.

– Тебе пора, – объявил своим хрустящим голосом Экзаменатор.

– Но вопросов было слишком мало... или ответов было слишком мало? Неважно! Я ещё не успела разобраться во всём! Дайте мне какую-нибудь подсказку!

Экзаменатор с сомнением посмотрел на меня.

– Можешь попробовать найти подсказку в этой комнате. Правилами не запрещается брать что-либо отсюда с собой в путешествие.

– А что мне лучше взять?

Вопрос номер семнадцать тоже повис в воздухе.

Я медленно пошла вдоль стен, опять разглядывая странных существ и загадочные вещи. Кое-где встречались таблички с названиями и описанием как животных, так и предметов.

С собой я решила взять кого-нибудь живого, лучше говорящего. Я подошла к клетке с попугаем. Попугай был вполне обычным, только голова казалась слишком большой. Клюв выглядел просто угрожающе гигантским. Стоило мне приблизиться, как попугай начал верещать без остановки:

– Пиастры! Тысяча чертей! Якорь мне в глотку! Нет, тебе якорь в глотку! И тысячу пиастров туда же! Трави помалень-

ку! Сто тысяч морских драконов! Ты моряк или сухопутная крыса?

– Сухопутная крыса, – зачем-то ответила я попугаю и быстро отошла от клетки. Надо бы найти кого-то менее крикливого.

Моё внимание привлекла довольно крупная игуана. Мы молча разглядывали друг друга. Я представляла, что иду по пыльной дороге с игуаной на плече. Встречные удивлённо смотрят на меня. Меня приглашают зайти на обед или просто в гости. Не каждый день встречаешь человека с ручной игуаной! Но мои мечты прервались: внезапно «игуана» выпустила изо рта язык пламени и клуб дыма. Закашлявшись, я невольно отпрянула. Около клетки была прикреплена табличка: «Карликовый нелетающий дракон. Не кормить, не дразнить. Близо не приближаться». Нет уж, я не готова взять с собой дракона, даже если он карликовый и нелетающий.

Глаза разбегались от разнообразия. Я никак не могла сосредоточиться и понять, кого выбрать, так как мне мешали Подпевалы. Они сустились под ногами, яростно пища. Я всё время опасалась, что наступлю на кого-нибудь из них.

Я присела на корточки около клетки с очаровательной мышкой. Вдоль хребта на спине у неё шёл гребень, напоминающий шипы драконов или динозавров. Но мышкин гребень был не костяной, а «меховой»! Он получался из очень длинных торчащих вверх волосинок серой шёрстки мышки.

Табличка сообщала, что это «Динозавровая Мышь» и что к ней надо «относиться с уважением». Об опасностях ничего не было сказано. Я решила взять её с собой.

– Привет, мышка, – ласково поздоровалась я.

Мышь с возмущением отвернулась от меня.

– Доброе утро, – зашла я к ней с другой стороны клетки. – Как тебя зовут?

Не уверена, что она умеет говорить, но попробовать же стоит?

– Девчонка с манерами дикаря! – важно пропищала Мышь. – Ты можешь звать меня Леди Ди.

– Леди??? Леди Ди?

Мышь смотрела на меня с презрительной жалостью.

– Леди Ди, – твёрдо повторила она. – Или Мадмуазель Ди. Можно ещё Пани Ди. В самом крайнем случае я согласна на Товарищ Ди. Но не на «мышку»!

Мышь решительно замахала у меня перед носом лапками, выражая протест.

– Леди... Леди Ди, – начала я неуверенно, – а ты сможешь мне разобраться, как тут всё устроено? Ты же здесь всё знаешь?

Леди Ди села на задние лапки и стала самодовольно умываться. Наконец, она снизошла до ответа:

– Не собираюсь рассказывать ничего отсталому человеческому детёнышу. Сначала научись правилам приличного поведения в обществе.

Разочарованная, я встала и пошла дальше. Не хватало ещё униженно выпрашивать информацию или слушать оскорбления в свой адрес. Видимо, Леди Ди придётся подождать другого случая прогуляться на воле. Её я с собой не беру. Вслед мне раздавался негодующий писк Динозавровой Мыши.

Подпевалы становились невыносимы. Они уже чуть ли не лезли мне на ноги. Я остановилась и с возмущением посмотрела на них. Подпевалы держали в лапках обрывки бумажек, на которых были нарисованы стрелки. Все они указывали в одном направлении. Меня явно куда-то звали.

Я пошла по стрелочкам. Сначала назад, потом вверх по одной из вьющихся вдоль стен лесенок. Хоть бы Подпевалы помогли мне найти какое-нибудь исключительно умное и чрезвычайно дружелюбное существо. Но на полке, к которой привели меня Подпевалы, лежала всего лишь маленькая, размером с ладошку, книга. Какое разочарование!

– Э-э-э... большое спасибо, но я лучше возьму кого-нибудь живого. С кем можно поговорить, понимаете?

Подпевалы начали вести себя пугающе. Они раскрывали рты, высовывали языки, показывали то на книгу, то свои рты. Они так плотно столпились вокруг меня, что я не могла сделать ни шагу. Я растерялась. Вдруг прямо по головам остальных Подпевал ко мне примчался ещё один, волоча за собой обрывок бумажки. Добежав, он победно поднял его

над головой. Подпевалы восторженно закричали: «Ага-а-а!»

Поколебавшись, я взяла эту бумажку. На ней были нарисованы какие-то кружочки и прямоугольники, соединённые отрывистыми линиями.

– Что это? – спросила я с недоумением.

Подпевальское «О-о-о-о» звучало как само разочарование. И вдруг меня осенило:

– Это карта?!!

Подпевалы радостно загалдели и начали скакать.

– Значит, в книжке есть карта? Которая покажет, куда мне идти?

Это меняло дело. Карта – это значительно надёжнее, чем, скажем, слова какой-нибудь мыши. Не говоря уже о попугаях и драконах. Я подняла книжонку. На обложке сияла надпись: «Помогательная книга».

– «Помогательная книга»? Ну и как же ты мне будешь помогать? – произнесла я тихонько.

Тут я чуть не выронила книгу. Она как будто вздрогнула и неожиданно начала расти. Увеличилась она до размера обычной книги, которую удобно читать и рассматривать. После этого «Помогательная книга» зашелестела и раскрылась. На пустой странице начали проявляться буквы, складывающиеся в слова.

Во-первых, здравствуй, дорогуша.

– Здравствуйте, – робко промямлила я в ответ.

Поздравляю тебя с началом путешествия! Тебя

ждёт столько интересного впереди!

– Спасибо, – выдавила я.

Отвечая на твой вопрос. Во мне есть множество полезных разделов. Но в основном всех интересуют «Карты местности» и, собственно, разговоры со мной. Почему-то никто не просит рассказать что-нибудь из «Секретов строительства» или «Загадок безупречного края одежды».

И неожиданно книга дорисовала после этих слов грустный смайлик:

:-)

Я засмеялась. Тогда рядом появились и весёлый смайлик. Книга как будто тоже рассмеялась со мной:

:-)

«Помогательная книга» продолжила печатать:

Как ты, несомненно, прочитала на табличке...

Как же, несомненно! Да я её и в глаза не видела!

...в нашем с тобой общении есть некоторые ограничения. Ты можешь со мной разговаривать только однажды в каждом из миров. И за раз ты можешь задать мне не больше пяти вопросов. И, соответственно, получить на них не больше пяти ответов.

Я вспомнила взрывающиеся свечи Экзаменатора и внезапно разозлилась:

– Не больше пяти? У вас тут что, недостаёт ответов на вопросы? На всех не хватает?

Не сердись, девочка,

– примирительно написала мне в ответ «Помогательная книга», —

это ограничение нужно для того, чтобы ты сосредоточилась на самом важном, на сути происходящего.

Иначе начинается «игра в дурацкие вопросы». Кто-то спрашивает «любит ли меня сосед по парте» или «возьмут ли меня в космонавты». Я же не гадалка, в конце концов. Я приличный путеводитель по здешним мирам.

Вообще-то, ограничение по количеству вопросов было введено давным-давно. Пожалуй, это правило немного устарело. Думаю, не случится ничего страшного, если мы с тобой поболтаем, не считая вопросы.

– Но только один раз в каждом мире?

Увы, это условие не может быть изменено. После того как меня закроют, я больше не смогу общаться, пока не окажусь в следующем мире.

– Жалко. Ну хорошо, что хоть вопросов можно задавать сколько угодно. Ты можешь показать мне карту? Где мне надо начать и куда пойти потом?

Карту всех миров архетипов я тебе сейчас не покажу. Она будет определяться по мере твоего продвижения. У каждого путешественника получается своя карта. Зато я могу показать, где ты находишься сейчас. У этого места есть разные названия, но чаще все-

го его называют Междудверье.

Книга быстро пошелестела страничками и раскрылась примерно посередине. Вверху через весь разворот тянулась крупная надпись: «Междудверье». На карте было нарисовано круглое помещение с иконками дверей. Двенадцать штук. Все серого цвета, и каждая зачёркнута красным крестом. Также на карту было нанесено схематичное изображение человечка, выделенное ярким зелёным цветом.

Книга вернулась на страницу с перепиской.

Человечек на карте – это ты. Двери – это проходы в другие миры. Когда сквозь них можно пройти, они помечены зелёным цветом. Когда нельзя – красным крестом.

– То есть я могу пройти в любую дверь?

Если она активна. Когда ты попадаешь в очередной мир, тебе даётся определённое время, чтобы со всем разобраться. Когда отпущенное время начнёт подходить к концу, двери ненадолго активируются. Тебе надо будет поспешить, чтобы успеть выйти. Иначе застрянешь в том мире ещё на один цикл. А это не всегда бывает приятно, поверь мне.

Я сразу поверила без дальнейших уговоров. Потом я посмотрела на свою одежду, похожую на какое-то невнятное сари, и уточнила:

– А мне придётся в этом путешествовать?

Нет, дорогая, не переживай. В каждом из миров те-

бе предоставят одежду. Такую, которая тоже поможет тебе понять проявление архетипа. Вообще, смотри внимательно на всё: где ты очутилась, с кем ты общаешься, что делают люди вокруг тебя и почему они это делают. Разговаривай с людьми, спрашивай их. Любая мелочь может быть твоей подсказкой в конце пути, когда ты вернёшься сюда.

– Когда мне придётся сдать экзамен?

Да. Всё будет хорошо, детка, не переживай. Смотри-ка, тебе уже можно выбрать, куда отправиться сначала!

Книга быстро перелисталась до карты Междудверья. Нарисованный человечек находился на прежнем месте, но двери теперь были тоже подсвечены ярко-зелёным цветом. Мурашки бегали у меня по коже: неужели я сейчас отправлюсь в таинственное путешествие?

Осторожно прижимая к себе раскрытую книгу, я спустилась по узкой лестнице. Закрывать её я не могла: тогда она больше не смогла бы отвечать на вопросы.

Комната выглядела почти так же. Правда, исчезли Подпевалы, как будто их и не бывало, и из-под дверей вырывался яркий свет.

Одна дверь мне очень понравилась. Она была деревянной. Детской рукой на ней были нарисованы смешные цветочки, мордочки и сердечки. Сверху были приклеены детальки кон-

структора, веточки и ленточки. Приглядевшись, я поняла, что они складываются в надпись «ПРОСТОДУШНЫЙ».

– Уважаемая «Помогательная книга», что меня ждёт за этой дверью?

Книга напечатала в ответ:

Хороший выбор. Это очень безопасный мир. Думаю, тебе понравится. Лучше и не придумаешь для первого знакомства. Кстати, милая, можешь звать меня Молли.

– Спасибо, Молли, – почему-то шёпотом ответила я и потянула за ручку двери. Она открылась легко и очень мягко. Из неё вкусно пахнуло свежими булочками.

– Молли, а почему за дверью ничего не видно?

Как я ни всматривалась, в дверном проёме я могла разглядеть только клубы какого-то сероватого тумана. Книга распахнулась так широко, что было похоже, будто она раскрыла глаза от удивления.

Милая, ты не сможешь разглядеть другой мир, пока не попадёшь в него. Придётся тебе довериться и шагнуть наугад.

Я глубоко вдохнула и закрыла книгу. Среди складок моего невнятного одеяния был и карман. Туда я и сунула «Помогательную книгу», подождав, пока она съёжится до размера записной книжки. Я немного постояла, набираясь решимости, и, зажмурив глаза, шагнула в серый туман за дверь. Назад дороги не было.

Глава 2. Простодушный: как быть наивным

Думаете, пройти сквозь туман ничего не стоит? Увы, не всегда. Туман перехода между мирами оказался противным, густым и липким, как кисель. Он осел на мне тонкой плёнкой, когда я проходила сквозь дверь. Липкими были не только руки и лицо. Даже моргать было сложно: веки с трудом расклеивались. Но через несколько секунд ощущение, что я вся клейкая, пропало.

Я находилась в тёмном тоннеле. Обернувшись, за своей спиной я обнаружила только гладкие скруглённые стены. Никакого намёка на дверь! Впустив меня, она тут же исчезла.

Впереди виднелось пятнышко света. Я сделала маленький осторожный шаг. Пол вдруг выскользнул у меня из-под ног. Я покатила по нему, как по горке.

Я с грохотом ввалилась в какую-то комнату. Ощущения были так себе: при падении я больно ушиблась. Вдобавок мне было ужасно неловко. Что обо мне подумают жители этого места?

Теперь я могла разглядеть себя. Вот и причина моего падения и позорного вторжения! На ногах красовались старинные деревянные башмаки! Кому могло прийти в голову так меня нарядить? Это же не только неудобно, это травмоопасно! Пыхтя от негодования, я поднялась и огляделась по сторонам.

Маленькая круглая комната, казалось, ласково обнимала

меня. Каждая деталь дышала теплом и уютом. Вышитая скатерть, букет полевых цветов, дымящийся чайник, ароматные булочки, пушистый ковёр. Всюду валялись игрушки. И стены, и пол, и потолок, и мебель, и посуда, и игрушки были деревянными. В этой комнате не было ни одного острого угла: всё в ней было скруглённым, обтекаемым, как будто обточенным водой. То тут, то там в волнистых гладких стенах зияли круглые отверстия-выходы. Из одной такой дыры я и вкатилась сюда. Эта комната была красива уютной, домашней и милой красотой.

В большом овальном зеркале на стене я увидела своё отражение. Я оказалась одета в пышную юбку, передник, белую блузку с жилеткой, а на голове у меня было что-то вроде колпака с широким отворотом. Кажется, раньше такой головной убор назывался «шаперон». Мои светлые волосы были заплетены в две косы. Весь наряд подозрительно напоминал карнавальный костюм Красной Шапочки.

В кармане передника я с облегчением обнаружила «Помогательную книгу», маленькую и лёгкую. Значит, она переходит между мирами вместе со мной.

Вдруг послышался громкий топот и шум и в комнату ворвалось штук пятнадцать детей. На самом деле их было всего двое, но шумели они за пятнадцатерых. Это были мальчик лет пяти и девочка двумя-тремя годами старше. Они так отчаянно прыгали, кричали и верещали, что хотелось зажмуриться и зажать уши руками. Девочка бросилась меня обни-

мать так, что я едва могла дышать. Мальчик тоже пытался подобраться ко мне. Он прыгал со всех сторон и дёргал меня за одежду. Оба отчаянно голосили наперебой:

– Мама, мама, у нас гостя! Это девочка! Ура, новая гостя! Мы будем играть долго-долго!

Следом за ними спокойной и лёгкой походкой в комнату вошла их мама. Затем, шаркая ногами, появился седовласый старичок с морщинистым добрым лицом. Мама, смеясь, освободила меня от цепких детских объятий.

– Оставьте девочку в покое, несносные малыши. Прости, дорогая, они всегда так рады пришельцам. Как тебя зовут?

Кое-как отдышавшись и оправив растрёпанную одежду, я ответила:

– Меня зовут Рири. А кто такие «пришельцы»?

– Это те, кто не принадлежит к нашему миру, – объяснила женщина. – Те, кто приходит к нам на время. Среди пришельцев не очень часто встречаются такие, с кем можно поиграть детям. Вот Нана с Пипом и сходят с ума от радости.

Нана и Пип приплясывали рядом, нетерпеливо ожидая окончания разговора. Я сердито нахмурилась. Неужели они хотят заставить меня нянчиться с малышами?

– Нравится тебе здесь? – спросила меня мама детей. Она разлила душистый чай по чашкам и пригласила всех к столу.

– У вас чудесный дом, – искренне ответила я. – А как он построен? Вроде бы деревянный, но отделан не досками, сте-

ны такие чудные, волнистые... Все эти коридоры...

– Рири, милая, это же дом в дереве.

– Домик на дереве? – уточнила я недоверчиво.

– Нет, не на дереве, а в дереве. Мы находимся внутри ствола большого дерева. Наш домик расположен в проходе, который прогрызли личинки весёлого древогрыза.

Я молчала, ошарашенная, не в силах представить, что это уютное и безопасное место было проедено гигантской гусеницей. Я отложила на деревянное блюдечко надкусанное печенье. Вдруг оно тоже из опилок?

Мама детей заботливо опекала меня: подливала чай, подкладывала выпечку. Когда чаепитие было окончено, она обратилась ко мне с просьбой:

– Ты не могла бы приглядеть за Пипом и Наной? Мне надо кое-кого навестить, а дедушка задремал.

Дедушка и впрямь заснул, покачиваясь в кресле-качалке. Я согласилась на просьбу, хоть и не слишком охотно, сказать по правде. Мама детей взяла корзину и вышла из комнаты.

Нана повела меня к своим игрушкам. У неё был чудесный кукольный домик с деревянной мебелью. Куклами служили ложки и вилки, завёрнутые в салфетки. Вилки, конечно же, были королями и королевами: их зубцы служили коронами. Ложкам оставалась роль слуг и коней. Столовые ножи изображали мечи и копья.

Я пыталась разобраться в семейных связях между вилка-

ми и ложками, но меня сильно отвлекал Пип. Он дёргал меня за одежду и кричал, что он хочет играть в мяч. Я несколько раз терпеливо ответила, что поиграю с ним попозже. Но когда мяч прилетел мне в спину, моё терпение кончилось.

Я резко поднялась и развернулась так, что юбка закрутилась вокруг моих ног. Руки судорожно сжались в кулаки. Я нависла над Пипом, едва сдерживаясь, чтобы не наорать на малыша. Сквозь стиснутые зубы я прошипела:

– Я тебе сказала подождать! Через пять минут я буду играть с тобой в твой дурацкий мяч! А пока я занимаюсь Наной! Сначала девочки, потом мальчики! Запомни это! Я не собираюсь всё время повторять тебе правила!

Я знала, что с детьми нужно сразу показать, кто главный. Отчитав Пипа, я повернулась к нему спиной и занялась Наной. Я спокойным голосом попросила её показать, как из чайной ложки получается принцесса. Спустя несколько минут, я сочла, что мальчик уже достаточно наказан. Он больше не терзал меня своими приставаниями. Наверное, он усвоил урок.

– Теперь, Пип, я поиграю с тобой, – сказала я поворачиваясь.

Но он не отзывался. Под столом, за креслами, в шкафчике – Пипа не было нигде. Он исчез.

Я просто не могла поверить! Это не должно было случиться! Я стояла, вслушиваясь в малейший звук, пыталась дога-

даться, где он спрятался, ощутить его каким-то шестым чувством. Но в милой комнате было всё что угодно, кроме пятилетнего мальчика. Которого, кстати, оставили на моё попечение! Где же искать его? Я растерянно обвела взглядом зияющие, как жадно раскрытые голодные рты, отверстия – выходы из этой комнаты. Куда же он убежал, обиженный на мою резкость? Чувство вины поднималось во мне, как вода, вытесняя воздух. Я чувствовала, что задыхаюсь от отчаяния.

– Куда мог деться Пип? – спросила я у Наны.

Нана вздохнула.

– Наверное, пошёл искать выход из дерева. Он всегда хотел посмотреть на большой мир.

– А это запрещено?

– Нет, не запрещено. Только зачем? Там же высоко и опасно.

Мы разбудили дедушку. Толку от него было ещё меньше. Сначала он не мог понять, что случилось, а когда понял, то только охал и растеряно взмахивал руками. Значит, ответственной за спасательную экспедицию назначается Рирри. Как и ответственной за то, что она вообще понадобилась (снова прилив из смеси вины и отчаяния).

– Нана, принеси верёвку, нож и фонарик.

Посмотрев на свои деревянные башмаки, я решительно их сняла. Не хватало ещё поскользнуться и упасть в каком-нибудь проходе. Я представила, как я лечу, сшибая на пути своих попутчиков, как шар сбивает кегли. Нет, пойду босиком.

Нана быстро собрала и сложила вещи. Дедушка кряхтя вылез из кресла-качалки. «Видимо, мне придётся присматривать ещё и за старичком», – мелькнуло у меня в голове, но уговорить дедушку остаться дома я не смогла. В поход мы отправились втроём.

Я изнывала. Дедушка передвигался удручающее медленно. Нана иногда забегала вперёд. Я медленно шла, поддерживая дедушку под руку, страдая от желания тоже припустить за Наной. С одной стороны, меня изводило беспокойство за Пипа. А с другой стороны, мне хотелось убежать от своих мыслей. Они неотвязно крутились в голове. Что будет, если мы не сможем найти Пипа? Попаду ли я в следующий мир? И зачем вообще я сюда пришла?

Эта мысль вдруг поразила меня. Как я могла забыть о своей цели! Мне же надо узнать как можно больше про Простодушных!

– Кстати, о Простодушном, – как бы между прочим заговорила я с дедушкой. – Наверное, этот архетип проявляется в детях?

Старичок медленно ответил:

– Не совсем. Просто. В детях. Лучше. Видно.

Я помолчала. О чём это он?

– А что именно лучше видно?

– Простота. Наивность. Доверчивость. Вера в чудеса. Что всё будет хорошо.

– Это вы и про взрослых сейчас говорите? – с сомнением уточнила я.

В ответ добрый дедушка только улыбнулся. Я вдруг заметила, что если отвлечься от морщин и бороды, то его лицо – очень юное и мальчишеское.

– Да, – медленно сказала я, – бывают такие люди, по которым не поймёшь, сколько им лет. То ли уже зрелый человек, то ли недавно был подростком. Это может быть признаком Простодушного?

– Может. Быть. А может. И не быть, – длинная пауза. – Нами. Управляет. То. Что. Внутри. Нас. Смотри. Внутрь.

Я опять задумалась. Как это – «смотри внутрь»?

– Если эти люди наивные и доверчивые, то их легко обмануть?

– Да. Потому что. Простодушный. Доверяет. Людям.

– Но это же нечестно?

– Да уж. За ними. Нужен. Присмотр, – дедушка вдруг хихикнул. – Как ты. Присматриваешь. За нами.

Я вспомнила растерянные лица Наны и дедушки. Как со стороны увидела себя, раздающей указания. И опять невольно всплыло в памяти, как я была груба с Пипом.

– Но почему же он убежал? – невольно вырвалось у меня.

– Сложно. Ждать. Сложно. Слушаться, – пропыхтел дедушка.

– А Нана не такая!

– Некоторые. Послушные. Некоторые. Беспечные. Все мы.

Разные.

Дедушка совсем запыхался. Мы сделали привал. Сидеть на скруглённом полу прохода оказалось очень удобно. Я размышляла вслух:

– Но если по внешности точно сказать нельзя... – вопросительный взгляд на дедушку. Ответный кивок.

– Если по поведению тоже сложно судить... – утвердительный кивок.

– А чтобы понять, что перед тобой Простодушный, надо... – ещё один вопросительный взгляд.

– Спроси, как он справился с чем-нибудь сложным. Скорее всего, Простодушный тебе ответит что-либо вроде «легко и просто». У них самые трудные задачи решаются как бы сами собой.

– Тогда их как раз надо звать решать самые сложные задачи?

– Ну нет... На помощь будут звать Героя или Правителя. К Простодушному за подвигами не обращаются, – засмеялся дедушка.

Я тоже засмеялась в ответ. Уж очень заразителен был его смех.

Мы опять побрели по бесконечным коридорам в поисках Пипа. Где он бродит? Может, ему страшно? Холодно? Одиноко? Но дедушка не казался сильно обеспокоенным.

– А вы не боитесь за Пипа? Не думаете, что с ним что-то случилось?

– Девочка, – сухая ладонь дедушки накрыла мою руку, – у каждого Простодушного есть сокровище.

– Какое? – мои глаза распахнулись в ожидании ответа.

– Вера и оптимизм. Уверенность в том, что всё будет хорошо. Надежда на чудо. Всё обязательно закончится благополучно.

Ровно в этот момент мы и услышали крики. Не зов о помощи, а какие-то чудовищные завывания. Без всякого сомнения, это был голос Пипа.

Я подхватила юбку и помчалась вперёд. За поворотом тоннеля я увидела Пипа и замерла на месте. Зрелище было ужасающим.

Мальчик безнадежно застрял в узком проходе. К нему ползло огромное безногое чудовище. Тело его было покрыто мелкими белыми волосками. Передвигался монстр опираясь на маленькие подушечки внизу гигантского брюха, похожие на натоптанные мозоли. Голова у чудовища была очень маленькой, желтовато-бурой. Из раскрытого рта капали вязкие слюни.

Я просто окаменела от ужаса. Я была не в силах сдвинуться с места, но Нана и дедушка бросились наперерез чудовищу. «Зюзя, не надо!» – эхом раздавался в извилистых коридорах голосок Наны. «Уйди ты отсюда, тебя только не хватало», – бурчал и дедушка. Я жалобно пролепетала: «Зюзя? Кто такая Зюзя?»

Кто бы мог подумать, что чудовище без ног и с жадным слюнявым ртом окажется домашним питомцем, любимцем семьи? Так оно и было: Зюзя была личинкой весёлого древогрыза. В пересчёте на возраст человека она была малышом лет примерно полутора. Это Зюзю и других личинок собиралась покормить мама детей. Вот зачем ей была нужна корзинка со стружками и опилками!

– Зачем их кормить, если они и так живут внутри дерева? Пусть его и едят.

– Если проходов в дереве будет слишком много, то оно зачахнет и засохнет, – объяснила мне Нана. – А в новый дом переезжать слишком хлопотно. Поэтому мама кормит грызёнышей, чтобы аппетит у них отбить.

– А зачем вы их вообще заводили?

– Древогрызиков обычно разводят в новом доме, чтобы помогали обустроиться: проделывали проходы и комнаты. А наш дом уже готов, нам больше расширяться не надо. Сейчас у нас осталось всего пятеро грызиков. Когда они станут взрослыми, то у них вырастут крылья и они улетят жить и откладывать личинки в больших деревьях и старых пнях. И наша Зюзенка повзрослеет и улетит от нас...

Маленькая девочка, встав на носочки, с трудом дотянулась до огромной шеи чудовища и нежно её обняла. Зюзя в ответ радостно выпустила с пол-литра слюней.

Бедный Пип! Обслюнявленный и несчастный, он застрял

намертво. Сколько мы ни пытались его вытащить, Пип не продвигался ни вперёд, ни назад. К тому же мне мешала жизнерадостная Зюзя. Она вертелась рядом и везде совала гигантскую морду. Пару раз она даже умудрилась сбить меня с ног.

– Наверное, мама сюда ещё не дошла, – сказала Нана, помогая мне подняться. – После кормления Зюзя ведёт себя поспокойнее.

Как же освободить малыша? Пип подвывал. Нана с дедушкой пытались отвлечь Зюзю, почёсывая её огромную тушку, от чего она блаженно замирала на какое-то время.

– Зюзя ведь древогрыз? – вдруг спросила я. – А пусть она прогрызёт стенку прохода, в котором застрял Пип? Пусть сделает его немного шире?

Эта мысль воодушевила нас. Вообще-то, личинкам весёлого древогрыза запрещают грызть дерево, в котором они живут. Но благородная цель оправдывает выбранные средства! Пусть Зюзя станет нашим орудием спасения.

Осталась только одна загвоздка: как объяснить Зюзе, что ей надо делать? Её так долго кормили опилками, что грызть твёрдую древесину у неё не было никакого желания. Теперь уже мы тащили Зюзю к Пипу, кричали ей: «Ешь, Зюзя! Можно!», но бестолковая гусеница упиралась и пыталась уползти подальше отсюда.

Я уже совсем устала. Вдруг послышалась песенка. Мелодия была совсем простая, а слова... Слова звучали как набор

скрипов и скрежетаний. С другой стороны прохода, заткнутого Пипом, к нам подходила мама детей. Она шла кормить Зюзю.

– Это кормильная песня, – сообщил мне тихонько дедушка.

Пип перестал барахтаться и выть. И Зюзя, заслышав любимую мелодию, прекратила сопротивляться. Она замерла в ожидании еды. Зюзя подползла к Пипу, загородившему проход, потыкалась носом и в отчаянии с хрустом начала грызть тонкую стенку перегородки. Она куснула её раза три, и мальчуган вывалился из своей ловушки, покрытый щепками и Зюзиными слюнями.

Зюзя быстро проползла в открывшееся отверстие и жадно накинулась на свою порцию опилок. Я выдохнула с облегчением: справились!

И тут до меня донёсся странный звук. Он был похож на звук старинного кинопроектора: трещащий и стрекочущий. Я увидела что-то странное. Передо мной как будто развернули невидимый экран, на котором показывали фильм. Фильм про меня?

Светловолосая девочка – это Рири, только младше, лет семи – восьми – угрожающе нависает над маленьким кудрявым мальчиком.

– Одевайся, говорю тебе, – шипит она сквозь зубы, – а то вообще никуда не пойдём!

Рири натягивает на малыша штаны. Но тот придумал весёлую игру: пока Рири засовывает ему одну ногу в штанину, он очень быстро старается освободить от штанов вторую. Процесс одевания становится бесконечным. Рири злится. Мальчишка смеётся.

Рири резко выпрямляется.

– Раз не хочешь одеваться, то я пойду в парк одна. А ты оставайся дома.

С лица малыша пропадает улыбка. Он исподлобья смотрит на Рири. Его рот кривится. Он сейчас заплачет или впадёт в истерику. На лице Рири ярость. Вдруг её взгляд падает на фотографии на стене: Рири держит на руках свёрток с новорождённым. Вот она протягивает младенцу погремушку. А здесь она качается на качелях, держа карапуза на коленях. Лицо Рири смягчается.

Она присаживается на корточки перед мальчиком, берёт в руки штаны и говорит смешным низким голосом:

– Я очень голодный штанозавр! Так хочу есть, покормите меня! Я очень люблю маленькие ножки!

Рири «разевает пасть» штанов и делает вид, что это рот. Малыш включается в игру и охотно протягивает ногу. «Ам-ам-ам», – делают штаны, налезая на ножку.

– Я всё ещё голоден, а есть ли у вас ещё одна ножка для бедненького голодненького штанозаврика?

Вторая штанина съедает другую охотно подставленную ножку. Малыш смеётся. Носки и ботинки тоже голодны,

приходится и их «покормить».

– Готов, братишка?

Рири берёт за руку мальчика, и они выходят из дома.

Видение исчезло, звук кинопроектора смолк, и я пришла в себя.

Я вновь очутилась в древесном тоннеле. Здесь прошло не больше секунды. Что это было? Я тихонько достала из кармана «Помогательную книгу».

– Привет, Молли.

«Помогательная книга» вздрогнула, увеличилась до размера, удобного для чтения, и раскрылась. Немедленно начали появляться буквы, складывающиеся в слова и предложения.

Здравствуй, дорогая, как твои дела? Что новенького?

– Я сейчас видела себя со стороны. Это было как кино про меня. Только я была младше и там ещё был маленький мальчик, мой брат. Ты можешь сказать мне, что это такое?

Это было твоё воспоминание.

– Воспоминание? Какое воспоминание? Я же ничего, совсем ничего не помню!

Тем не менее это было именно твоё воспоминание. Из реального мира. Когда ты собиралась сюда, ты решила временно обнулить свою память, удалить воспоминания. Это очень разумное решение, милая, если

действительно хочешь разобраться во всём беспристрастно. Но твоё подсознание помогает тебе, как может, выдавая подсказки. Например, в форме вот таких воспоминаний.

– Подсказки? А что я должна понять из этой подсказки?

Происходящее здесь как-то связано с тем, что ты видишь в своих воспоминаниях.

Ссора с Пипом – ссора с братом. Приказ маленькому мальчику – игра с маленьким мальчиком. Обиженный малыш – довольный малыш.

– Кажется, понимаю, – медленно сказала я. – Наверное, это подсказка о том, как НЕ надо обращаться с Простодушными. И о том, как надо с ними договариваться. На их языке, так?

Молли согласилась с моими догадками. Я закрыла «Помогательную книгу» и вернулась к остальным.

Нана танцевала без музыки. Дедушка, привалившись к стене, гладил по голове сидящего рядом Пипа. Мама детей хвалила Зюзию по ту сторону прохода. Я быстро осмотрела мальчика: не считая нескольких мелких ссадин, он был совершенно невредим. Мы вернулись в дом в дереве. Всю дорогу Пип крепко держал меня за руку.

Я играла с ним и Наной во всё, что мы только могли придумать: и в королеву лягушек, и в лечение безнадежно влюблённых кукол, и в благородных пиратов, и в полёты на невидимых кукол, и в благородных пиратов, и в полёты на невидимых кукол.

димых орлах, и в убежание от щекочущих крокодилов.

Невольно я ждала упрёков. Это из-за меня все были вынуждены столько пережить... Но ничего подобного. Все были так же дружелюбны и сердечны, как и при первой встрече со мной. И я смогла расслабиться и включилась в игру с детьми на полную катушку.

Наконец, мы затеяли строительство подводного замка. Вода, конечно, была понарошечной, но замок был вполне себе достойный: он занял добрую половину комнаты. Бруски, из которых мы выкладывали стены замка, у нас закончились.

– Я схожу в кладовую и принесу ещё, – сказала я.

Нана и Пип бросили строительство и подбежали ко мне. Они крепко обняли меня, как будто прощались со мной. Я в недоумении посмотрела на маму детей, которая тоже бросила свои дела. Даже дедушка очнулся от дремоты. Все провожали меня взглядом, как будто мне предстояло совершить великий подвиг. Слегка недоумевая, я вошла в кладовую с большой корзиной, в которую собиралась сложить «кирпичи» для будущего замка.

Мои глаза привыкли к полумраку, и я обвела кладовую взглядом. Где тут ящик с игрушками? И вдруг... я увидела Дверь.

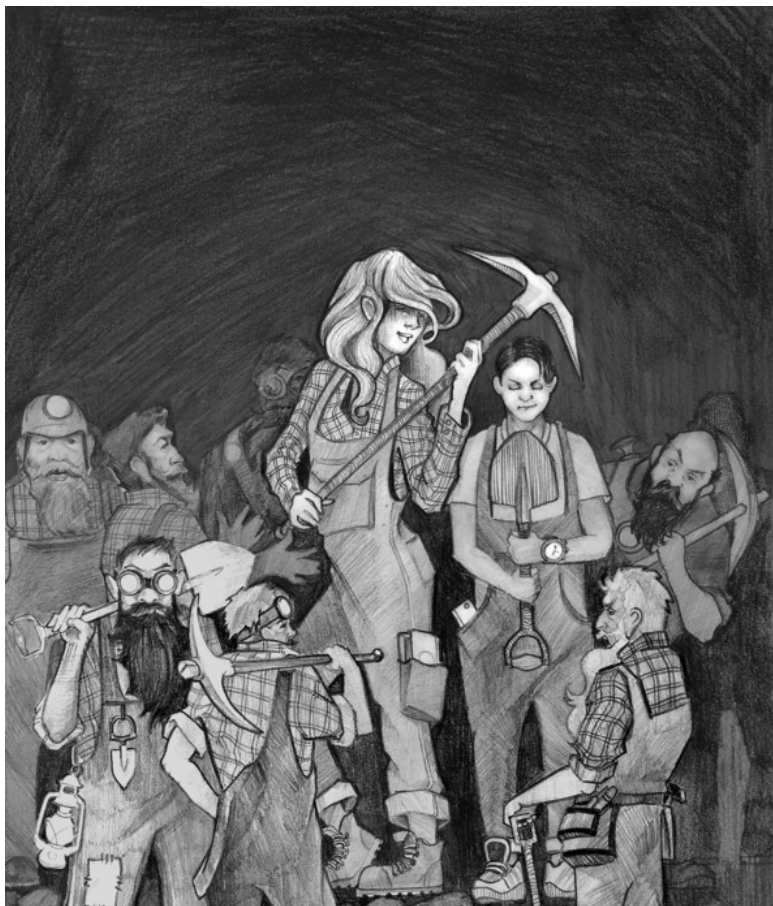
Я её узнала. Она была в Междудверье среди остальных дверей. Обита джинсовой тканью, со вставками из кожи и металлическими заклёпками. На ней старательно выведе-

ны белой краской не очень ровные буквы: «СЛАВНЫЙ МАЛЫЙ». Из-под двери пробивался свет. Стоило мне слегка потянуть за ручку, обёрнутую грубой кожей, как она открылась.

Что же за дверь? Друзья, враги, новые дороги? Я просто не могла выпустить из рук шершавую уютную ручку... Это было выше моих сил. Где-то в глубине души мне было жалко, что я толком не простилась с Наной и Пипом, не поблагодарила их маму и дедушку. Зов дороги, обещающий новые приключения, был сильнее чувства вины, благодарности или предвкушения радостей мира Простодушных.

Не отводя взгляд от серой дымки, открывшейся мне сквозь дверь, я сделала шаг вперёд...

Глава 3. Славный малый: как стать частью племени

Невыносимо! Есть ли что-то противнее переходов между мирами? Кто добровольно захочет нырнуть в это желе? С отвращением продравшись сквозь туман, я оказалась в небольшой подземной пещере. Прямо на земляном полу сидел мальчик, худенький и тщательно причёсанный. У него в руках был мобильник. Он был так поглощён игрой на телефоне, что даже не покосился в мою сторону.

Это был Тим – мальчик, чьё фото показывали мне Подпевалы в Междудверье! Одет он был в белую футболку, джинсовый комбинезон и кроссовки. И моя одежда поменялась после перехода в этот мир. На мне тоже был комбинезон, клетчатая рубашка и удобные ботинки. В правом кармане я нащупала «Помогательную книгу».

Я подошла к Тиму и села рядом с ним. Он скосил на меня взгляд, но ничего не сказал.

– Привет, Тим. А я тебя знаю! Меня зовут Рири. Ты здесь давно? Давай вместе исследуем этот мир?

Тим наконец поставил игру на паузу и посмотрел на меня.

– Я никуда не собираюсь.

– Как так?

– Мне не интересно. Через пять часов, – он взглянул на наручные часы и поправился, – через четыре часа и пятьдесят три минуты время на этот мир истечёт. Тогда здесь снова появится дверь. И я смогу отсюда уйти. Надеюсь.

– А что это за прибор?

Тим выбрал себе эти часы в Междудверье. Они показывали, сколько времени отпущено на исследование каждого мира. Было у них ещё одно полезное свойство: показывать, где находятся двери перехода в другой мир. Но это можно было увидеть только если двери уже активировались. Пока этого не случилось, Тим сидел на месте. Он надеялся, что когда истекнут отпущенные на этот мир пять часов, он сможет уйти через ту же дверь, через которую пришёл сюда.

Я достала из кармана «Помогательную книгу» и с гордостью продемонстрировала её Тиму.

– Молли, будь добра, покажи нам карту.

«Помогательная книга» раскрылась на странице с картой. Вверху крупными буквами было написано «СЛАВНЫЙ МАЛЫЙ».

– Смотри, вот эти две светящиеся зелёные фигурки – это я и ты, – ткнула я пальцем в изображённых на карте человечков. Они были нарисованы в кружочке, который обозначал пещерку, где мы сидели.

От этого места по карте разбегалась сеть подземных тоннелей. Они петляли и змеились, переходили в маленькие и крупные пещеры. Самое странное было то, что карта всё время менялась. И тоннели, и пещеры то расширялись, то удлинялись, то сливались вместе. Буквально за пару минут из нескольких пещерок получился громадный пузырь в центре карты. И он продолжал увеличиваться. На противоположной стороне карты находилась небольшая пещерка, в ко-

торуую вело множество проходов. В ней-то и были все двери, ведущие из этого мира.

– Здесь сидеть нет никакого смысла. Видишь, все двери там. Нам надо будет дойти до вот этого пузыря в центре, а потом по переходу доберёмся и до комнаты с дверями.

Тим с каким-то отчаянием рассматривал карту.

– А тут не написано, кого здесь можно встретить? Какие есть опасности?

– Чего ты боишься?

Немного поколебавшись, Тим серьёзно ответил:

– Гусениц. И червяков. Знаешь, сколько их может быть под землёй?!

Я рассмеялась от души. Потом мне было за это стыдно, но тогда я решила, что Тим шутит.

– Кстати, насчёт гусениц. Я недавно познакомилась с такой милашкой! Её зовут Зюзя, и она похожа на гусеницу. Но на самом деле она личинка. Громадная, но такая смешная, ласковая и...

Тут я резко оборвала себя при взгляде на застывшее в ужасе лицо Тима. Я поспешила исправить ситуацию.

– Тим, это было в предыдущем мире, у Простодушных! Тут мы Зюзю не встретим! Я уверена, что существа из мира одного архетипа не могут попадать в другой! Не зря же между мирами сделан разделительный барьер! Чтобы они сквозь эту вязкую гадость не просочились!

– Вязкую гадость? – удивился Тим. – Для меня перейти

между мирами – как побывать на Северном Полюсе. Холодно, аж пальцы немеют.

– Да? Странно. Наверное, для всех по-разному, – пожала я плечами. – Давай пойдём? Что толку сидеть на месте? Пошли, посмотрим, что тут есть.

Я встала. На лице Тима появилось обречённое выражение. Он всё же поднялся на ноги, сунув телефон в карман. Я смотрела на него сверху вниз: Тим был на полголовы меня ниже.

– Идём, Тим, – с шутливой снисходительностью сказала я. – Обещаю защищать тебя от гусениц.

– А ты не встретился с... ни с кем особенным в мире Простодушных? – я побоялась произнести вслух «гусеница» или «личинка».

– Я там и не был.

Мы шли не спеша, рассказывая, кто что успел увидеть и узнать. История Тима была короткой. Пообщался с Экзаменатором. Прощёл в первую попавшуюся дверь. Увидел земляной пол и стены. Не смог сделать ни шагу дальше, боясь встречи с гусеницами.

Чтобы не думать о червяках, Тим стал играть в «шарики» на телефоне. Игра была самая дурацкая. На экране появлялись разноцветные шарики. Когда они собирались в кучки одного цвета, их нужно было лопнуть, нажав на экран. Тим всегда зависал в этой игре, когда нервничал. Самая большая тупость была в том, что игра была бесконечной. Побе-

дить в ней было невозможно. Сколько бы ты ни уничтожал шарики, на их месте всё время появлялись новые. Но Тиму не нужна была победа. Ему надо было забыть в процессе игры.

Я рассказала Тиму про Подпевал, которых он не встретил, и про то, как они помогли мне найти «Помогательную книгу».

– Наверное, ты забрала книгу до того, как я там побывал, – с досадой сказал Тим. – Иначе бы её выбрал я.

Про Простодушных Тим не знал ничего, поэтому я с воодушевлением описала ему их мир и то, как я поняла его законы и принципы. Мы шли уже довольно долго, и я начала уставать от ходьбы. Вдруг впереди мы слышали приближающийся шум. Тим остановился, даже немного попятился назад. Я взяла его за руку и уверенно потянула вперёд. Как же мы узнаем, кто такие Славные Малые, если будем избегать встреч с ними?

– Вот и она.

– Кто?

– Пещера в центре карты. Пузырь, сожравший маленькие пещерки.

Я хмыкнула в ответ на это поэтическое сравнение. Но подземная пещера и впрямь была колоссальной! На её стенах были закреплены ярко горящие факелы. Но их света не хватало, чтобы хорошо разглядеть дальнюю стену. Высота тоже

поражала воображение. Моё удивлённое «ого» подхватило эхо. Ритмичный шум стих. Со всех сторон раздались возгласы, повторённые эхом:

– Кто?.. Кто?.. Кто?.. Кто здесь? Кто это? Откуда они?..

В нашу сторону начали стекаться низенькие человечки. Самый высокий из них едва доходил мне до подмышек. Они были приземистые и коренастые и абсолютно все одеты в заляпанные землёй джинсовые комбинезоны. У каждого в руках была лопата или кирка. На некоторых были очки, какие носят авиаторы: они плотно прилегали к лицу, защищая глаза. У всех были бороды разной длины и степени ухоженности. Всего их было человек пятнадцать.

Человечки окружили нас. Они нас обнимали, жали руки и радостно приветствовали. С разных сторон доносились крики: «Ура!», «Просим, просим!» и «Добро пожаловать!» Я чувствовала себя, как будто получила в подарок бриллиантовое кольцо. Я вроде была рада такому приёму, но в основном ощущала неловкое смущение.

Наконец, раздвинув остальных, к нам подошёл ещё один крепыш. Он ничем не отличался от прочих, кроме длины бороды. Своей бородой, сейчас заткнутой за пояс, он мог бы подметать пол пещеры не наклоняясь.

Мы так никогда и не узнали, есть ли у Копал имена. Длиннобородого я про себя назвала «Главным Копалой». Он подошёл к нам и молча обнял где-то в районе пояса сначала меня, потом Тима. Затем он повернулся к остальным и про-

кричал зычным голосом:

– Друзья мои, ура! К нам прибыли новые Копалы! Высокие и сильные, они будут неопенимой подмогой в нашем великом деле! Добро пожаловать! Мы горды тем, что вы теперь – тоже Копалы.

Я поклонилась. Тим неловко нагнулся вслед за мной. Лицо его было покрыто красными пятнами. Главный Копала, повернувшись к нам, добродушно спросил:

– Руки уже чешутся начать копать? Сначала надо осмотреться, выбрать место. Принесите-ка им инструменты! – обратился Главный Копала к остальным, а у нас уточнил: – Чем будете работать?

Я ответила с самым важным видом:

– Глубокоуважаемые Копалы! Мы чрезвычайно признательны вам за ваш приём. Конечно же, мы обожаем копать. Я возьму кирку. А ему, пожалуйста, принесите лопату. Тим, тебе же подойдёт лопата? – тихонько спросила я у него.

– Угу. Спасибо, что не забыла уточнить, – иронически усмехнулся он.

– Ну не дуйся! Если тебе нужна кирка, я отдам её тебе. Только сначала хочу попробовать. Никогда не держала кирку в руках, интересно же!

Копалы стали возвращаться к копанию. Они без устали расширяли свою пещеру. Одни копошились вдоль стен, другие рылись у самой земли, кто-то забрался повыше.

– Видели когда-нибудь что-нибудь подобное?

– Неужели это всё?.. Вы смогли?.. Сами?! Одни?!!

Главный Копала важно кивал. Им было чем гордиться!

Вся гигантская пещера была делом рук всего-то пятнадцати не самых крупных Копал. А ведь из всех инструментов у них были только лопаты и кирки! Не было даже лесов, чтобы забираться под потолок. Туда можно было попасть только с помощью вырубленных в земле ступенек.

– Пока вам несут инструменты, можем обойти Пещеру, – предложил нам Главный Копала.

Какие же Копалы были славные! Каждый хотел нас подбодрить или поприветствовать. Пока мы шли по Пещере, нас то обнимали, то хлопали по плечу, то жали руки, то дружески стучали по спине. И не только нас. Своими огромными ручищами Копалы хлопали по спинам и друг друга, обнимали других или помогали им. Тим время от времени огорченно осматривал себя и пытался отряхнуться. Его прежде белоснежная футболка теперь была запачкана отпечатками грязных рук и потных носов Копал. Меня же испачканная одежда не заботила. Я видела вокруг улыбки и добрые глаза. Копалы были так приветливы, так дружелюбны. Именно тогда я впервые ощутила желание стать настоящей Копалой... Ходить между ними, хлопать их по спинам, чувствовать себя членом их братства... Быть одной из них...

Быть одной из них... Это чувство казалось странно знакомым. Как будто я его уже испытывала раньше...

Снова я услышала треск кинопроектора. Пещера вокруг меня исчезла, зато возникло другое изображение. Ещё воспоминание?!!

Рири сидит на подоконнике. Видимо, она находится в школе – рядом с ней школьная сумка. У Рири на коленях открыта тетрадка. Она смотрит в окно, потом достаёт ручку и начинает писать:

«Дорогой дневник, мне очень одиноко. У меня новая школа. Я ещё не успела ни с кем познакомиться. Мне не с кем погулять, посоветоваться или просто поболтать. Говорят, чтобы желание сбылось, его надо записать. Больше всего на свете я хочу завести друзей!

Надеюсь, это сработает».

Рири вздыхает, убирает в сумку тетрадь и ручку, закидывает сумку на плечо и сбегает вниз по лестнице. Лицо у неё больше не грустное, а спокойное и воодушевлённое. Рири выходит на крыльцо и видит кучку девчонок. Они машут ей рукой. Подходя к ним, Рири спрашивает:

– А вы что здесь делаете? Уроки же давно закончились.

Девочки отвечают:

– Мы ждём тебя. Мы собирались погулять в парке и решили пригласить тебя с собой. Ты пойдёшь?

На лице Рири радостное и ошеломлённое выражение:

– Конечно, пойду! Спасибо, что пригласили. И подождали.

Девочки разноцветной стайкой спускаются со школьного крыльца. Рири гладит рукой сумку и тихонько шепчет: «Спасибо, дорогой дневник».

Как только смолк треск проектора, изображение растаяло перед моими глазами. Я даже закусила губу от досады. Что, что же было дальше? Они погуляли? Они стали друзьями? Нечестно обрывать историю на самом интересном месте!

Увы, я снова была в подземной пещере. Меня взяла злость. Я должна выбраться отсюда! Мне надо узнать, чем заканчиваются мои воспоминания! Я хочу помнить этих людей! «Тебе нужно будет посетить каждый из двенадцати миров и понять, в чём уникальность каждого архетипа», – вспомнила я слова Экзаменатора. Я посмотрела на Главного Копалу. Давайте разберёмся со Славными Малыми!

– Уважаемый... э-э-э... начальник? – не особенно уверенно начала я.

Главный Копала меня с негодованием перебил:

– Кто? Я? Я не начальник! Я такой же Копала, как и остальные!

– А кто тогда здесь главный?

– У нас здесь нет главных, – с неудовольствием заметил Главный Копала. – Нет-нет, подруга, мы здесь обходимся без командиров.

– Не может быть! – я начала чувствовать раздражение. –

Кто-то же говорит вам, где и как копать! Кто-то же отдаёт распоряжения!

– Разве кто-то может приказать Копале? Вольные Копалы копают только потому, что хотят копать!

– А если копать будут не там, где нужно? Кто будет за это отвечать? Кто-то должен быть главным!

Я не глядя отмахнулась от Тима, который дёргал меня за рукав. Я смотрела прямо на Главного Копалу. Он немножко покраснел и глядел на меня исподлобья. Сделав глубокий вдох, он начал объяснять:

– У нас все равны. И все важны. Кто главный в семье? Все. От кого-то семья получает деньги, от кого-то еду, от кого-то радость. Все делают свой вклад. Вот и мы – одна очень дружная семья. Копаем, едим, ложимся спать и встаём: всё делаем вместе. Каждый Копала просто занимается тем, что ему удаётся лучше всего. Вот у тебя, подруга, что получается лучше всего?

– Командовать, – тихо пробурчал себе под нос Тим. Хорошо, что Главный этого не услышал.

Я задумалась над этим вопросом. Главный Копала хлопнул меня по плечу и радостно воскликнул:

– Не знаешь? Могу подсказать! Держу пари, что лучше всего у тебя получается копать!!!

В этот момент мы услышали шум. Радостно галдя, к нам приближались Копалы. Они передавали из рук в руки свер-

кающие инструменты – лопату и кирку. Прибыли наши орудия копания! Главный Копала с благоговением передал их нам.

– Приняв эти инструменты, вы стали одними из нас! Выбрав себе место. И счастливого копания!

Он подмигнул и ушёл, поглаживая кирку, висевшую у него на поясе. Остальные тоже разошлись.

Я первый раз в жизни взяла в руки кирку. Инструмент был внушительный. И почему я не выбрала лопату? Кирка поблескивала у меня в руках. Казалось, она только и ждёт, когда сможет продемонстрировать, на что она способна.

Я посмотрела вокруг. Вот Копала с аккуратной бородкой мерно замахивается киркой, а затем вонзает её в мягкую землю. Кажется, это не очень сложно... Я поднимаю кирку, замахиваюсь – мышцы на руках непривычно напрягаются – и вонзаю инструмент в земляную стену. Лёгкое усилие – и целый пласт обрушивается к моим ногам. Это и впрямь несложно! Мои движения ускоряются, я чувствую, что щёки горят. Это так же круто, как прыгать с разбегу на песочный замок: сладкое упоение своим могуществом и разрушительностью.

Наконец я остановилась перевести дыхание. Я оглянулась: не хочет ли Тим забрать мою чудесную кирку? Но нет! С возмущением я увидела, что он стоял, опираясь на лопату, и пялился по сторонам. Брови его были сведены, глаза слегка прищурены, как будто он что-то старательно вычислял. Тим

внимательно рассматривал свод потолка огромного подземного зала.

– Пошли. Надо поговорить с ним, – сказал мне Тим.

– С кем? – уточнила я.

– С не-начальником Копал, – ответил Тим без тени улыбки.

– О чём? Что ты задумал? А когда будем копать?

Тим не отвечал на мои беспорядочные вопросы. Он аккуратно прислонил лопату к стене. Я бросила свою кирку рядом. Мы пошли к длиннобородому Копале.

Тот усердно вгрызался в землю неподалёку от нас. Кирка, которой он работал, была не новой, но, видимо, очень острой, хорошо заточенной.

– Простите, пожалуйста, что отрываю вас, – вежливо обратился к нему Тим. – Я бы хотел поговорить.

Главный не оглянулся, но кивнул в знак того, что слушает. Он продолжал копать.

– Прежде всего я бы хотел выразить своё восхищение вашим колоссальным проектом, этой чудесной пещерой...

Главный издал под нос что-то похожее на одобрителный возглас.

– Я – точнее, мы – всегда мечтали поучаствовать в копании такого гигантского помещения...

Хрясь! – вонзается кирка в землю, бум! – падает пласт под ноги, «Грхр!» – раздражённо ворчит Главный Копала. Даже

я могу понять, что это значит: «Если хочешь поучаствовать, то почему не копаешь?» Честно говоря, и я не понимаю, что Тим хочет.

– Проект, безусловно, хорош. Грандиозен. Потрясающе. Величественен.

Я начинаю потихоньку злиться. Когда он уже перейдёт к делу? Главный Копала что-то одобрительно бурчит между очередными «хрясь» и «бум».

– Но, возможно, – продолжает Тим, при этом «но» ворчание Главного Копалы опять спускается до угрожающих тонов, – стоит сделать дополнительные расчёты. Надо принять во внимание вероятность того, что потолок не выдержит такого расширения. Он может просто обрушиться.

Я смотрю вверх. Потолок настолько высокий, что свет факелов едва достигает его. И тут я начинаю понимать, о чём говорит Тим!

– Да-да, – страстно вступаю я в разговор, – посмотрите – на потолке уже есть трещины! В любой момент может обвалиться! Всех засыплет землёй! Мы все задохнёмся тут!

Тим недовольно морщится. Я ему помогаю, а он кривится! Я обиженно замолкаю, а Тим снова заводит свою волюнку:

– В принципе, рассуждая теоретически, этот проект вполне осуществим. Просто по мере расширения нашего... м-м-м-м... сооружения масса потолка, повисшего в воздухе без опоры, увеличивается. И в один прекрасный момент сцепления между частичками грунта потолка может не хватить,

чтобы удержать всю эту громаду на весу. Но это не значит, что от проекта надо отказаться! – поспешно добавляет Тим. – Такое огромное помещение можно выкопать, если поставить хотя бы несколько опорных колонн под потолком.

Главный Копала не оборачивается к нам. Его повторяющиеся «хрясь» и «бум» выводят меня из равновесия. Как до него донести, что ситуация становится серьёзной?

– Надо срочно перестать копать! Мы не можем подвергать опасности Копал! Нужно немедленно остановиться!

Я чувствую себя ответственной за Копал. Они меня приняли в свою команду, я теперь одна из них. Это моя стая! В бешенстве от того, что кто-то может не понимать таких очевидных вещей, я кричу в спину Главному:

– Что вы возитесь у себя под ногами! Бросьте уже свою кирку и посмотрите наверх!

– Бросить... что?!?!

Главный Копала наконец повернулся к нам. Лицо перекошено яростью, к груди прижата кирка, прищуренные глаза обшаривают нас с Тимом.

– Где, – шипит он с присвистом, – где ваши инструменты? Как вы посмели их бросить?

Вот примерно тогда я перестала чувствовать себя ответственной за судьбы Копал. Возможно, они в состоянии сами о себе позаботиться. Наверное, нам не стоило вмешиваться. Но уже поздно. Со всех сторон к нам выдвигаются Копалы.

В свете факелов в их руках поблёскивают лопаты и кирки. Лица их угрожающе суровы. Я успокаивающе говорю им:

– Не надо так переживать! Мы положили инструменты у стены! Не знаю, почему вы так волнуетесь! Как будто главное в жизни – это копать! Можно же ещё строить, шить...

Я не успеваю закончить свою речь. При моих последних словах Копалы возмущённо кричат и бросаются к нам.

Я резко разворачиваюсь и сбиваю с ног Тима, стоящего у меня за спиной. Он взмахивает руками, теряет равновесие, падает на землю... и исчезает!

Мы стояли в тёмном пятне, до которого не доставал свет ближайших факелов, но белая футболка Тима была хорошо мне видна. И вот он исчез! Яростный крик Копал и их топот всё ближе! Я бегу вперёд, делаю два шага – и проваливаюсь под землю! Слышится негромкий стук закрывшейся крышки люка. Чьи-то сильные руки осторожно ставят меня на землю. Над нами раздаётся топот, крики... А потом ужасный грохот сотрясает всё вокруг. Я падаю на пол. Тишина. Темнота. Неизвестность.

– Кажись, всё. Докопались, – послышался в темноте гулкий низкий голос.

Мы с Тимом испуганно молчали. Раздался звук чиркающей спички. Зажглась лампа. Я огляделась. Кругом всё отделано досками. Это казалось очень странным. В пещере Копал и стены, и пол, и потолок были земляные.

– Почему «докопались»? – осторожно уточнил Тим.

Человек, спасший нас от Копал, был огромен. Он был не сильно выше меня, зато шире раза в три. По сравнению с мелкими Копалами он казался просто великаном. Станным образом он сам напоминал Копалу: такой же комбинезон, огромные руки, такое же славное, располагающее к себе лицо. Веснушки, огненно-рыжая густая лохматая шевелюра... Если б не его рост, я бы подумала, что ему лет тринадцать. Соседский мальчишка, друг детства...

– Рухнула пещера-то. Опять, – грустно сказал человек.

– А как же Копалы? Погибли? – с тревогой спросил Тим.

Ох! Ведь на них обрушился потолок! Неужели и правда они оказались похоронены в своей любимой пещере?

– Зачем погибли? – удивился великан. – Выберутся и снова примутся копать новую Великую Нору. Каким-то обвалом их не остановишь.

Всё-таки он оказался мальчишкой. Его звали Риклис. Он был ужасно рад, что ему удалось спасти нас от гнева Копал. Трещал он без умолку. Всё рассказывал, как мы пойдём «к нашим», как нам будут рады и как надо будет всё им рассказать.

– А кто они – «наши»? – с любопытством спросила я.

– Это настоящие Славные Малые! Жалко, что вы сначала вышли к Копалам.

– А они разве не Славные Малые?

– Так-то да, только теньевые, – загадочно ответил Риклис.

– Но как же так, – расстроено сказала я, – всё так здорово начиналось... я так хотела быть с ними, копать с ними, общаться...

– Ты могла бы там остаться, – ответил мне Риклис. – При одном условии.

– Каком?

– Ты должна была стать Копалой.

Тим согласно кивнул. Я же пожала плечами:

– И что?

– А то, что тебе пришлось бы утратить всё, даже своё имя. Жить ради копания. Согласилась бы ты копать всю оставшуюся жизнь?

Без имени, без личности, без каких-либо других желаний и интересов... Я медленно покачала головой. Нет, это невозможно. Впереди ещё столько неоткрытых миров и неизученных архетипов! Не говоря уже о том, что где-то есть ещё и забытая мной прежняя жизнь...

– Скорей, скорей, – торопил нас Риклис, – идите за мной! Здесь короткий путь!

Он бежал по гулкому деревянному коридору, а мы едва поспевали за ним. Время от времени он нырял в какие-то подземные люки, и мы прыгали за ним, скатываясь по горкам, закручиваясь в лихих поворотах, взмывая и падая. Поскольку я не переставая задавала вопросы по пути, наш разговор выглядел так:

– Риклис, почему Копалы нас не при-и-и-и-иняли-и-и? – невольно мой голос срывается в конце фразы, когда мы проваливаемся в один из переходов.

– Ну вы же стали их учить, что им надо делать?

– Да, но-о-о-о-о-о... – меня закручивает в спиральном спуске.

– ...а Славный Малый не терпит, когда кто-то важничает и умничает.

– А что нужно было сдела-а-а-а-ать? – подбрасывает меня на трамплине.

– Надо было показать, что вы свои. У Копал есть секретный код: всегда носить с собой кирку или лопату и признавать копание самым главным.

– А мы сейчас куда идё-ё-ё-ё-ё-ё-ём? – я ухаю вниз и тут же взмываю вверх.

– К нашим, к Строилам! Вот какие переходы мы тут понастроили! Мигом доберёмся! Вот посмотрите на настоящих Славных Малых! Вам они понравятся!

– А чем. Они. Отличаются. От Копал? – перепрыгиваю по редковатым ступенькам подвесного моста.

– Ну как же! Копалы копают, а Строилы – строят, мастерят, шьют! Делают вообще всё, что только нравится! Недавно мы даже кино сняли, представляете?

– А кто выбирает, чем заниматься? – мой голос гулко отзывается эхом, когда мы ползём сквозь какую-то трубу.

– Да кто угодно! Любой может предложить: «А давайте

сделаем вот это», и все с радостью его поддерживают!

– А вы отдыхаете хоть иногда? – мне приходится балансировать на бревне, но это же не повод прекратить расспросы!

– Конечно! Отдыхаем мы тоже вместе! Строилы вообще самые лучшие! Скоро поймёте, как у нас классно! Как весело! Мы принимаем всех, а не только любителей покопать. У нас все свои, так душевно! Вот увидите!

Наконец Риклис остановился. Мы с Тимом встали позади него, тяжело дыша. На стене перед нами была небольшая панель с парой десятков кнопок без подписей. Риклис помедлил в нерешительности.

– Всегда путаюсь, какую надо нажать... Может быть, эту?

Он ткнул наугад пальцем в какую-то кнопку и... взлетел, подброшенный скрытой пружиной. Риклис исчез в тоннеле в потолке. Мы слышали его неразборчивые крики, но не смогли разобрать ни слова.

– Так было задумано? – нерешительно спросил Тим.

– Наверяд ли. Думаю, он хотел открыть проход.

– Куда же нам теперь?

Я подошла к платформе, встала туда же, где стоял Риклис, и крепко взяла Тима за руку.

– Приготовься ко взлёту!

Я нажала кнопку в середине. Тайная пружина не сработала. Вместо этого часть стены перед нами отодвинулась в сторону. Тим нерешительно поглядывал то на дыру в потолке,

куда улетел Риклис, то на открывшийся проход. Я дёрнула его за руку, и он со вздохом пошёл за мной.

Это было то место, куда мы стремились изначально. Идеально круглая, совершенно пустая комната. Внутри – десять дверей. Мы медленно пошли вдоль них. Некоторые были неактивны. Другие мне казались неинтересными или опасными.

Около самой красивой двери я остановилась, любуясь ею. Она была украшена позолоченными изысканными орнаментами. Даже на ощупь она была как будто бархатной. Золотыми буквами висала по двери надпись «ЭСТЕТ». Под другим углом, однако, надпись почему-то читалась как «ЛЮБОВНИК». Из-под неё виднелся свет – активна!

Я взялась за дверную ручку. Дверь надо было не тянуть на себя, а плавно откатить вбок. В открывшемся проёме клубился знакомый серый туман.

– Пойдём, – позвала я Тима. – Ужасно интересно, что там!
И мы шагнули в очередную неизвестность.

Глава 4. Эстет: как получить удовольствие

Поначалу я не поняла, где мы очутились. Вокруг меня было темно, тесно, жёстко и душно. Я путалась в каких-то тряпках. У меня начало колотиться сердце и стучать в висках. Глубоко дыша ртом, я стала шарить вокруг. Где выход? Вдруг под моим натиском распахнулась дверца, и мы с Тимом выпали из шкафа. И так бывает?! Дверь в этот мир привела нас внутрь гардероба!

Если б у комнат мог быть девиз, то у этой комнаты он звучал бы так: «Удовольствие. Красота. Роскошь». Обитая бархатом мебель, шкафы с одеждой. Невысокий изящный туалетный столик с баночками и склянками – наверное, духи и косметика. Зеркала. Вазы с фруктами и шоколадом. Ковёр, мягкий, как шёрстка котика. Кажется, раньше такие комнаты называли «будуар».

Я с удовольствием увидела себя в зеркале. До этого мне приходилось щеголять в перепачканном землёй комбинезоне. Теперь же я была одета под стать этой шикарной комнате. Пышное светло-розовое платье до пола, длинные кружевные перчатки, невесомые шелковые туфельки, браслет, ожерелье, серьги, элегантная дамская сумочка. Всё изумительно сочеталось друг с другом.

Тим тоже оказался переодет. Камзол из синей блестящей атласной ткани с большими карманами, жилет и штаны до колен, широкий алый шелковый пояс; белые чулки и серые туфли и шляпа с цветной лентой на тулье. И мой наряд,

и одежда Тима были старинными. Но если я выглядела как принцесса, то Тим как клоун.

Я немедленно распахнула все шкафы. Я ожидала увидеть там изящные платья, но я недооценила богатства этой комнаты! Шкафы были забиты не только одеждой, но и обувью, сумками, зонтиками, шляпками и всевозможными париками.

У меня дух захватывало от всей этой пышной красоты! Я перемерила кучу туфель, перебрала гору париков и перенюхала все духи. Я достала все платья, но решила остаться в том, что уже было на мне. Позаимствовала я только высокий, украшенный цветами парик в стиле 18 века. Мы однозначно попали в самый классный из всех миров!

Тим полулежал, развалиясь в огромном кресле, снова запустив свою любимую игру в шарики. В одной руке у него был телефон, а другой он закидывал в рот конфеты из вазы, стоявшей на столике рядом. Мне было не до Тима. Мне ещё предстояло обследовать все сундуки и шкатулки. Я как будто оказалась в пещере Али-Бабы!

Внезапно раздался негромкий стук. Дверь приоткрылась. В неё протиснулся старый человек с очень прямой спиной и длинным носом. Он немного наклонился, повернувшись в мою сторону. Спина его осталась такой же безукоризненно прямой. Его движение почему-то было похоже на скрип.

– Синьорина...

Двигался он, как разошедшийся стул, а вот голос его был бархатный и приятный. Ещё один поклон – теперь в сторону Тима:

– Синьор... Ваш выход. Второй акт начинается через пять минут. Вы должны быть на сцене после того, как раздастся выстрел из пушки. Влюблённый рыцарь выйдет с правой стороны. Ваш выход слева.

И, скрипнув на прощание нам обоим, он исчез за дверью. Я вскочила. Тим тоже подпрыгнул на месте. Я схватила афишу, лежавшую на туалетном столике, и прочла вслух: «Возвращение героя. Любовная драма в стихах».

– Это театр, – прошептала я, широко раскрыв глаза. – И мы в нём актёры!

– Так, смотри, вот действующие лица второго акта: «Влюблённый рыцарь», «Прекрасная дама, возлюбленная Влюблённого рыцаря» и «Паж, слуга Прекрасной дамы».

– Тим, ты на Прекрасную даму не тянешь. Ты будешь Пажом. Так и быть, я исполню роль Прекрасной дамы!

– Остаётся один вопрос: где сцена?

Вы когда-нибудь бегали в парике, длинном платье с несколькими нижними юбками и в туфлях на каблуках? Не советую. Удовольствие ниже среднего.

В коридорах театра было полно указателей, поэтому до места мы добрались, почти не опоздав. Мы ввалились на сцену, запыхавшиеся от бега, растрёпанные и покраснев-

шиеся. Из темноты зрительного зала на нас смотрели десятки, если не сотни пар глаз. Я невольно сжалась под яркими лучами софитов. С другой стороны сцены раздались тяжёлые шаги: приближался Влюблённый Рыцарь.

Рыцарь выглядел внушительно. Железные доспехи, шлем с поднятым забралом и двумя чёрными страусиными перьями, алый бархатный плащ. Подойди такой «влюблённый» ко мне в тёмном переулке, я бы грохнулась в обморок от страха.

Рыцарь упал на одно колено (доски сцены ощутимо прогнулись под ним) и, обернув своё усатое лицо к зрителям, начал декламировать низким красивым голосом.

Влюблённый Рыцарь:

Прекрасноокая, к тебе

Я шёл через полземли.

Я победил своих врагов,

Топил их корабли,

Препятствий много одолел

И чудищ я убил,

И все победы я теперь

Сложу к ногам твоим.

Я не прошу ни серебра,

Ни золота, ни чести,

Мне не нужны ни похвалы,

Ни речи сладкой лести,

Мечту лелею в глубине

Звездю негасимой:

Наградой высшей будет мне

Лишь поцелуй любимой!

После первых же строк я почувствовала тошноту: стихи! Я как-то упустила из виду, что эта любовная драма должна разыгрываться в стихах! Когда Влюблённый Рыцарь закончил свою реплику, я с отчаянием посмотрела на Тима. Он склонился около меня как бы в почтительном поклоне и начал нашёптывать слова. Я повторяла вслух за ним.

Прекрасная дама:

В нахальство ваше без границ

Поверить не могу я!

И тут я ощутила прилив вдохновения и закончила строфу сама, не дожидаясь подсказок от Тима:

Готова предложить пинок

Вам вместо поцелуя!

Тим едва сдержал смех. Влюблённый Рыцарь выглядел очень глупо. Он явно не ожидал такого ответа и не мог со-

браться с мыслями. Тим с издевательским полупоклоном обратился к Рыцарю.

Паж:

*Пора прислушаться, милорд,
К совету милой дамы:
Прочь убирайся, отвали,
Уйди без мелодрамы!*

Рыцарь оторвал от меня растерянный взгляд и с негодованием посмотрел на Тима. Потом он всё же собрался с силами и обратился ко мне.

Влюблённый Рыцарь:

*Ах, златокудрая моя,
Но как так получилось,
Что было этому виной,
Что впал в твою немилость?*

*Скакал я с мыслью о тебе
Сквозь бури, ночь, ненастье,
И побеждал я в той борьбе
С надеждою на счастье.*

*Чудовищ полчища, зверей,
Врагов и монстров разных*

*Сразил я этою рукой,
Мечтая о прекрасной.*

*Но почему любовь твоя
Презреньем обратилась,
Когда лишь именем твоим
Все подвиги творились?*

Тут мной овладело возмущение. Меня кто-нибудь спросил, нужны ли мне подвиги, победы и весь этот Влюблённый Рыцарь? Я ответила ему с вызовом.

Прекрасная дама:

*Я ж не просила, гражданин,
На подвиг отправляться,
Зверьков несчастных убивать,
Заставить всех бояться!*

*Жёсткость, наглость и разбой
Не вызовут любви.
Давай-ка уходи скорей,
Поклонник безголовый!*

Рифма в последнем четверостишии была так себе, зато текст бил наповал! На лице Влюблённого Рыцаря теперь была не растерянность, а просто ужас. Тим решил подлить мас-

ла в ОГОНЬ.

Паж:

*Как много шума и хлопот!
Нельзя ль исчезнуть тихо?
Придётся проводить тебя
И показать, где выход!*

Рыцарь даже не взглянул на Тима. Человек переживает стресс, проходя через пять стадий: отрицание случившегося, гнев, торг, депрессия и принятие. Судя по виду, Влюблённый Рыцарь уже дошёл до депрессии.

Влюблённый Рыцарь:

*Тебе, о светлый ангел мой,
Я посвящал победы.
Но отвергаешь ты меня
И все мои обеты.*

*Прошла пустая жизнь моя
В бессмысленных сраженьях.
Сколь сильно б ни старался я,
Мне нет вознагражденья.*

Тогда осталось мне одно:

*Прощусь я с жизнью этой.
Коли тебе не нужен, мне
Не жить на белом свете.*

Мне стало смешно. Рыцарь пытался превратить спектакль в трагедию. Но я постараюсь сделать из него комедию. И я ответила.

Прекрасная дама:

*Нет возражений у меня,
Чтоб ты самоубился.
Палач в подвале, если что,
В том может пригодиться.*

На Рыцаре не было лица. Он не знал, что ответить, он не понимал, куда завела его наша импровизация и как отсюда выбраться. Глядя на растерянное лицо Влюблённого Рыцаря, Тим сжалился над ним.

Паж:

*Жизнь никудышнюю твою
И смертью не украситъ.
Тебе б лишь выпить и поестъ,
Да чудищ отдубаситъ.*

*Ты бесполезен, топ аті¹,
Всего лишь мускул груди.
А сможешь пользу принести,
Помочь тем, кому худо?*

*Лечить больных? Учить детей?
На что же ты способен?
Должна ж быть польза для людей?
На что-то ты ведь годен?*

Влюбленный Рыцарь явно оживился и приободрился.

Влюбленный Рыцарь:

*Мой юный друг, совет хорош,
Идея неплохая!
Не всю же жизнь крушить врагов —
Судьба моя иная!*

*Мечтал всегда я украшать
Палаты, холлы, залы,
Пещеры, норы и дома,
Музеи и вокзалы.*

*Вот в этой зале, например,
Мы уберём портьеры,*

¹ мой друг (фр.)

*Заменим мебель и ковры,
А то тут очень серо.*

*Звериным трупам места нет
В хорошенькой гостиной.
Снимите головы со стен,
Довольно мертвечины!*

*Я б перекрасил стены тут,
купил бы пять торшеров.
И я назвался бы тогда
«Дизайнер интерьеров».*

Я не сдержалась и рассмеялась во весь голос. Мне очень понравились планы Рыцаря. Поэтому я одобрила его порыв, закончив спектакль следующими словами.

Прекрасная дама:

*Хвалю я твой чудесный план,
Неплохо для начала.
Свой дом хотя бы обустрой —
Дойдешь и до вокзала.*

*Возьми обои, кисти, клей,
Покрась тут подоконник.
Дизайнер классный круче, чем*

Изысканный поклонник.

Зал взорвался овациями! Сцена была завалена цветами. Раздавались крики: «гениально», «божественно» и «браво». Я устала считать, сколько раз нас вызывали на поклон.

В восторге были не только зрители. Вся труппа столпилась вокруг нас за кулисами. Влюблённый Рыцарь то страстно обнимал Тима, то жарко целовал мне обе руки сразу. Все кричали, вопили, присоединялись какие-то люди в смокингах. Откуда-то постоянно приносили цветы, слышались звуки открываемого шампанского.

Меня бросило в жар, мои щёки пылали. Разные люди тискали меня, шептали в уши признания в любви и восхищение гениальностью. Сладкий запах букетов и духов витал в воздухе...

Нас то вели, то несли на руках по коридорам театра. Наконец мы очутились в большом просторном зале. Посередине его стоял длинный накрытый стол. Меня посадили в центре. По одну руку от меня сидел Тим, по другую – Влюблённый Рыцарь, который уже успел избавиться от своих доспехов. «Везёт ему», – тоскливо подумала я. Мне ужасно хотелось снять все многочисленные юбки. А голова под париком невыносимо чесалась.

Стол был уставлен блюдами, тарелками, подносами, бокалами, графинами, бутылками. От шума, от запахов, от обилия красок вокруг, а больше всего – от переизбытка чувств

кружилась голова.

Хотя Влюблённый Рыцарь сидел рядом со мной, вокруг стоял такой шум, что ему приходилось кричать мне в ухо:

– ... и после этих слов меня озарило! Я рождён быть дизайнером! У меня же глаз-алмаз! Прямо сейчас спроси, что в этом зале удачно подобрано с точки зрения стиля?

– Что? – нехотя отозвалась я.

Рыцарь тут же ткнул своей вилкой три раза: тяжёлая чугунная люстра, красивый старинный камин, роспись в средневековом стиле во всю стену.

– А что сюда не подходит? – уже с любопытством спросила я.

Ещё несколько взмахов вилкой. Африканская маска страшенького божка, позолоченный купидон на каминной полке и напольная китайская ваза. И правда, эти вещи совершенно не вписывались в стиль старинного средневекового замка. А Рыцарь тем временем всё продолжал:

– И я подумал: а почему бы мне...

В этот момент снова раздался треск кинопроектора, который могла слышать я одна. Новое воспоминание!

Рири стоит на пороге маленькой тесной квартиры. Кажется, в ней всего одна комната и кухня.

– Проходи пока на кухню, – говорит ей девочка её лет с длинными русыми волосами. – Сейчас возьму всё для заня-

тий, попьём с тобой чаю и пойдём.

Рири проходит на крохотную кухню и обводит её взглядом, не в силах сдержать восхищения. Здесь так уютно! В полумраке на подоконнике горит множество свечей, стоит крохотная ёлочка, по шторам струятся мерцающие гирлянды. Рири видит красивый календарь ожидания Рождества: фигурка снеговика отмечает, сколько дней осталось до праздника. Тихонько играет приятная музыка. Вкусно пахнет чаем.

За столом на кухне сидит симпатичная женщина. Видимо, это бабушка подружки. Она элегантно одета. Перед ней изящная чайная пара с позолоченным ободком. Рядом – не менее изящная чайная ложечка. Рири присаживается к столу.

– Здравствуйте, – говорит она женщине. – У вас тут так красиво! Просто чудесно, как в сказке.

– Спасибо, – отвечает ей женщина. – Чувствуется новогоднее настроение?

– Да, здесь просто волшебно! Хочется разглядеть всё. И разместить фотографии в журнале. Или даже в музее.

Женщина довольно смеётся.

– Мне всегда нравилось окружать себя элегантными вещами, – мягким голосом отвечает она Рири. – Тем, что красиво выглядит, вкусно пахнет и приятно на ощупь. Сейчас мне это особенно важно. Если вокруг меня не будет этого, я просто сойду с ума. Ведь здесь живут, – она наклоняется

к девочке и шепчет ей на ухо: – семь человек. И собачка.

Треск кинопроектора прекратился. Я моргнула и вернулась в пиршественный зал.

Пока Влюблённый Рыцарь продолжал жужжать мне в ухо, я думала о том, что увидела.

– Скажи, пожалуйста, – прервала я его, – неужели все представители вашего архетипа хотят заниматься интерьером?

Рыцарь немного оторопел от резкой перемены темы.

– Ну нет, – ответил он, помолчав, – отчего же. Интерьер – это только один из вариантов.

– Вариантов чего?

– Вариантов нести в мир красоту. Эстеты видят и создают красоту вокруг. Любовники содержат красоту в себе. Они вызывают страсть, трепет, манят других людей!

Я вспомнила странную двойную надпись на двери: то ли Эстет, то ли Любовник. Вот что она означала! У этого архетипа есть разные проявления!

Рыцарь тем временем продолжал размышлять:

– Нас отличает страсть к удовольствиям. Мы хотим наслаждения для всех органов чувств! Нам нравится, когда всё вокруг красиво выглядит, приятно пахнет, изысканно на вкус, комфортно на ощупь....

Я перестала вникать в бормотание Влюблённого Рыца-

ря. Меня окружали десятки пар глаз, бесчисленные букеты, изысканные блюда и напитки. Я вспоминала овации на сцене театра. Вот это успех! Вот это признание! Да такого мне больше никогда не испытать! Может, к чёрту эту дверь? Надо ли искать выход в другой мир? Останусь здесь, буду давать представления, купаться в любви и преклонении, получать цветы и подарки...

От этих мыслей меня отвлёк звон. Влюблённый Рыцарь стоял и стучал вилок по графину. Постепенно все замолчали и повернулись к нему. Он высоко поднял бокал и громко произнёс:

– Сегодня мы испытали такой триумф, какого не знали уже много лет. Возможно, никогда. Мы смирились с тем, что нас освистывают и презирают. Но сегодня мы вкусили из сладкой чаши признания! Все мы знаем, кому мы обязаны этим фурором, кто был нашей путеводной звездой и нитью Ариадны, кто нас вдохновил и вселил в нас...

Я так никогда и не узнала, что же мы вселили в остальных. В этот момент позади нас рывком открылась боковая дверь и в зал вбежала девушка с лицом, перекошенным от ужаса.

– Она здесь! – задыхаясь, выкрикнула она. – И она уже близко! Если не заплутает в переходах, то через пять минут доберётся сюда!

Что тут началось! Громыхали отбрасываемые в сторону стулья, звенела разбитая посуда, все кричали. Люди вскочи-

ли на ноги и бросились на выход. На какой-то миг в дверях даже образовался затор. Спустя три минуты в зале остались только четверо: я, Тим, Влюблённый Рыцарь и девушка, принёсшая роковое известие.

Влюблённый Рыцарь растерянно повторял:

– Не может быть... не может быть...

– Да кто уже близко-то? – не выдержала я. – Кто сейчас придёт?

– Примадонна, – обернулась ко мне девушка. Лицо её было белым.

– Та, что должна была играть роль Прекрасной Дамы в сегодняшнем спектакле, – угрюмо пояснил Влюблённый Рыцарь.

– Но как же так получилось? – растерянно спросила я. Я не планировала занимать чьё-то место в спектакле. Особенно место человека, одно имя которого способно обратить в бегство целую толпу народа.

– Рассказывай, – велел Влюблённый Рыцарь.

Девушка затараторила:

– К ней сегодня не приехала гримёрша. Она её всегда гримирует перед выходом из дома. Что-то с ней случилось. То ли ногу сломала, то ли заболела, то ли уволиться решила... Сами знаете, работать с ней не подарок... И вот она обнаружила, что гримёрши не будет... А времени, чтобы найти другую, уже совсем не осталось! И она поехала в театр без косметики! В первый раз лет за двадцать. И её не пустили! –

большие глаза девушки ещё сильнее округлились. – Они её не узнали! Не узнали без макияжа! Сказали ей идти в кассу и купить билет! Они приняли её за любительницу посмотреть спектакль даром!

При этих словах девушка закрыла лицо руками, как будто только что ей пришлось сказать какое-то богохульство.

– Дальше! – потребовал Влюблённый Рыцарь.

Девушка вздохнула и продолжила:

– Она не стала поднимать шум. Как будто боялась, что не только билетёры могут её не узнать.

– Или, наоборот, узнать, – мрачно добавил Влюблённый Рыцарь.

– Она решила проникнуть в театр через чёрную дверь. Хотела добраться до своей гримёрной, но заблудилась в лабиринтах под театром. И она вышла на кухню. А там ей рассказали, что спектакль состоялся! И он прошёл с большим успехом! И что в нём была... новая... Прекрасная Дама... – эти слова она смогла только прошептать сдавленным от ужаса голосом. – Представляете себе её ярость?

И девушка, всплеснув руками, выбежала из зала. Паника охватила меня. Меня ждёт расправа!

– Снимай парик и юбки! – скомандовал мне Тим.

– Зачем?

– Ты не сможешь в них спрятаться или убежать!

Точно! Это, наверное, самая неудобная одежда на свете!

Едва я избавилась от юбок и парика, как раздались приближающиеся звуки шагов, перемежаемые истеричными возгласами.

Мы с Тимом нырнули за тяжёлую портьеру. За ней было окно с широким подоконником. Туда мы и забрались.

В комнату ворвалась Примадонна. Осторожно выглянув из-за портьеры, я смогла разглядеть её.

Когда-то она была невыносимо прекрасна. Она и сейчас была хороша. Короткие седые волосы, подстриженные, чтобы носить парик, торчали во все стороны, придавая ей небрежный и шаловливый вид. Большие серые глаза метали молнии. Её просторное платье сложного кроя от бега и суматохи сползло на одно плечо. Но её лицо было испещрено морщинками, а в состоянии ярости оно было так перекошено, что всякий намёк на миловидность исчезал. Увидев одинокого Влюблённого Рыцаря посреди остатков праздничного ужина, она заверещала:

– Предатель! Как ты мог! Ты меня променял! Предпочёл мне! Я тебя ненавижу!

Примадонна бросилась на него с кулаками. Он пытался обнять её, клялся в преданности, уверял, что лучше неё нет никого, что она его Прекрасная Дама...

– Ну скажи, скажи мне, что она была ужасна... – начала выпрашивать Примадонна у Рыцаря, немного успокоившись. – Что она не умеет играть, как это делаю я...

– Дорогая, все хотели видеть тебя, все спрашивали, где же

наша Прима, – тихонько глядя её по волосам и прижимая к груди, успокаивал её Влюблённый Рыцарь.

– Они все меня любят?

– Обожают.

– А зачем тогда взяли другую? Всё в цветах, они несли ей цветы?

– Нет, дорогая, это тебе. Они узнали, что ты болеешь, эти букеты для тебя.

– Ах, всё ты врёшь, я не верю, – Примадонна упала на ближайший стул и начала плакать. – Я столько лет была дивой... Годы идут... Но мой талант, я же талантлива?..

Влюблённый Рыцарь сидел рядом с ней и как мог утешал бедную Примадонну.

Мне надо было срочно поговорить о том, что я увидела. В кармане панталон, которые были под моими юбками, я нащупала «Помогательную книгу». Я рискнула осторожно достать её. Примадонна с Рыцарем так погрузились в свои переживания, что вряд ли услышат шорох страниц за портьерой.

– Привет, Молли, – прошептала я. – Расскажи мне, неужели вот эта истеричная женщина – это тоже Любовник? Представитель того архетипа, который создаёт всё красивое и прекрасное?

На первой странице «Помогательной книги» начали появляться слова:

Здравствуйте, Рири, Тим. Конечно, это тоже Лю-

бовник. Только в теневом проявлении.

На улице уже было темно, но напротив окна стоял уличный фонарь. Его свет освещал наше укрытие, так что можно было легко прочесть то, что написала книга.

– А что за теневое проявление?

Такое случается, когда ты не реализуешь свой архетип гармонично.

– Это почему так бывает?

По разным причинам. Иногда это бывает при попытке нарядиться не в свой архетип. Или сделать вид, что ты не тот, кем являешься. Тогда архетип проявляется как бы криво. Те же черты, но в неприятном варианте.

– Риклис говорил нам про теневых Славных Малых, помнишь, Тим?

Да, любой архетип может быть проявлен как теневой. За шторкой у вас сейчас теневой Любовник. А сможете описать, как себя ведёт теневой Славный Мальчик?

Я задумалась. Тим склонился над Молли и прошептал:

– Славные Малые могут навязывать остальным то, что считают правильным.

«Помогательная книга» с готовностью ответила:

Да-да, всё так. Фамильярность, бестактность, назойливость. Если он назначил тебя «своим», то будет заставлять тебя поступать так, как считает лучше для

тебя. Даже если ты против.

– Это когда все сбегают с уроков и требуют, чтобы и я сбегала с ними? – прошептала я, сама удивляясь этому примеру. Неужели я сбегала с уроков в реальной жизни? Как интересно!

– Или когда друзья требуют, чтобы ты шёл с ними на рок-концерт, – мрачновато добавил Тим. – И тебе приходится идти, хотя ты терпеть не можешь рок.

Точно. А как вы представляете себе теньевую сторону Простодушного?

Я вспомнила, как мне пришлось собирать всех на спасение малыша Пипа:

– Простодушные бывают какими-то беспомощными.

Книга согласилась:

Даже во взрослом возрасте они могут вести себя инфантильно. Некоторым и до старости надо, чтобы за ними был присмотр.

Я ещё раз выглянула из-за шторы. Примадонна всё всхлипывала. Влюблённый Рыцарь уверял её в любви и преданности её поклонников. Конечно, мне хотелось остаться здесь навсегда, купаться в успехе и наслаждении. Но если со временем мне придётся превратиться в престарелую Примадонну... Нет, такой ценой получать удовольствие я была не готова!

– Осталось пять минут! – беззвучно прошептал мне Тим,

показав на свои часы. – Пойдём, нам пора!

Я поспешно запихала «Помогательную книгу» в карман. Провести здесь ещё пять часов не было никакого желания. Опасная близость Примадонны меня совсем не привлекала. На часах Тима уже появилась зелёная стрелочка. Надо было выйти в боковую дверь. Я тихонько спустилась на пол и подала знак Тиму следовать за мной. Но не успела я сделать и нескольких осторожных шагов, как позади раздался ужасный грохот. Тим запутался в портъере! Карниз, на котором она висела, обрушился на пол! Скорей, бежим!

Мы буквально вылетели из открытой двери. Вслед нам летели угрозы и проклятья Примадонны, которую удерживал Влюблённый Рыцарь.

Через пару минут мы добрались до нашей цели. Что это была за дверь! Вся в разноцветных буграх, похожих на смешные носы, усы и уши. Я попробовала потрогать эти шишки. Дверь тут же начинала пищать, визжать и смеяться. По двери ползали буквы «Ш», «У» и «Т». Ручки у неё не было.

– Забавно. Боюсь подумать, какой мир ждёт нас за ней, – сказал мне Тим.

– А как она открывается? – растерянно спросила я.

Уже виднелось вырывающееся снизу свечение, пора было заходить. Дверь не сдвигалась ни вбок, ни наверх, не поддавалась на толчки. Разозлившись, я со всей силы пнула её. Она неожиданно подскочила вверх и осталась жизнерадостно болтаться на гигантской пружине. За ней был виден уже

привычный серый туман.

– Кажется, будет нестерпимо весело, – угрюмо пробормотал Тим.

И мы шагнули внутрь.

Глава 5. Шут: как веселиться

Я шагаю в дверь перехода с крепко зажмуренными глазами. Лучше так переждать, пока растает липкий туман на мне. Пытаюсь сделать шаг, пол из-под ног выскальзывает и я падаю. Что происходит? Куда я попала?

Я упала в бассейн, наполненный мягкими шариками. Вскрываю на ноги, оглядываюсь по сторонам. С ума сойти! Вот это местечко!

Комната в высоту была метров пятнадцать, не меньше! Стены снизу доверху были расписаны яркими картинками, на которых кривлялись акробаты, клоуны, скоморохи и странные смешные чудики. В центре комнаты находился огромный многоуровневый лабиринт с верёвочными лестницами, канатами, горками и качелями. Рядом стоял гигантский батут. Раздавалась весёлая музыка.

Я взглянула на Тима и не удержалась от смеха. На нём были огромные штаны в бело-синюю клетку и зелёный жилет в красных цветочках. На голове у него был колпак с бубенчиком. Его он тут же снял и сердито отбросил в сторону. На лице у него красовался красный клоунский нос. Нос тоже немедленно был отвергнут.

Я выглядела не менее блистательно! На мне были блестящие красные ботинки с загнутыми носками, жёлтое платье в горошек, из-под которого торчали пышные панталоны с кружевными оборочками. На затылке у меня была пришпилена крохотная шляпка с длинным фазаньим пером. Че-

рез плечо была переброшена сумка в форме божьей коровки. Вид у нас был просто как у шутов гороховых! Два чуда в перьях!

Мы с Тимом вылезли из бассейна с шариками. Едва мы встали на ноги, как пол под нами дрогнул. Одна из разноцветных плит пола подбросила нас, вытолкнутая скрытой пружиной. Мы взлетели ввысь! Не успела я испугаться, как наш полёт закончился приземлением точно в центре огромного батута.

Едва мы сделали несколько прыжков, как послышались звуки: немного скребущие, немного скрипящие и слегка царапающие. Звучало это угрожающе. Открылась дверь и... Я едва не расхохоталась! Внутри вошёл невысокий пухленький человечек. Вид у него был очень важный, но его ярко-жёлтый костюм и галстук с изображением писающей собачки не слишком сочетались со значительным выражением его лица. Вместо ног у человечка были куриные лапы. Казалось, что они жили отдельной от хозяина жизнью. Время от времени лапы начинали что-то рыть, копать в ковре, уносили своего хозяина куда-нибудь в угол комнаты или отворачивали его от собеседника.

При виде нас Куринолапый радостно завопил кудахтающим голосом:

– Вот вы где! А мы уже знаем, что вы здесь!

– Откуда? – усомнилась я.

– Так запах по всему дворцу! – жизнерадостно сообщил Куроног. – Вы давно мылись?

Я подавила порыв понюхать себя. Мы молча смотрели на Куринолапного, который, слегка присев, пытался покопаться лапой под батутом. Он добродушно рассмеялся:

– Это шутка! Какие вы доверчивые!

И затем добавил с неожиданно серьёзным лицом:

– Вы нужны нам. всей стране. На вас вся надежда.

Тим испуганно спросил:

– Зачем нужны?

– Перебрать семь мешков фасоли и отделить белую от тёмной, посадить семь розовых кустов, прополоть грядки, вымыть окна, выбелить кухню, натереть полы и намолоть кофе на семь недель.

– Нашли Золушек! – возмутилась я, а Куриноногий в ответ только расхохотался.

Ничего не объясняя, он помчался к двери, распахнул её и убежал. Мы с Тимом переглянулись и пожали плечами. Тут же снова раздался скрежет когтей по полу. Куроног вернулся к нам, пыхтя как паровоз.

– Проклятые лапы! – весело воскликнул он. – Живут своей жизнью! А ведь над ними есть ещё и я!

Было невозможно не смеяться, глядя на лицо Куронога с его взлохмаченной рыжей шевелюрой и блестящими щеками, с прищуренными от смеха глазами и весёлой сеточкой морщин от уголков глаз.

– Ну пойдёмте же, пока эти шасси опять не унесли меня в другом направлении!

Не успел он договорить, как бросился бежать по коридору так, что на поворотах из-под когтей летели искры. Мы с Тимом припустили вслед за ним. Через минут десять безумного бега мы добрались до огромных разноцветных дверей. Пропустив Куролапого, они захлопнулись прямо перед нашим носом. Я взялась за дверную ручку. В лицо мне тут же брызнула струйка воды. Я рассердилась и уже собралась развернуться и уйти, но дверь приоткрылась. Из неё выглянул Куриноногий. Он схватил меня и Тима и быстро втянул нас внутрь.

– Ты когда-нибудь видел что-нибудь подобное, Тим? – прошептала я.

С первого взгляда огромное помещение напоминало зал для заседаний парламента. Оно было заставлено красными кожаными креслами. Они располагались амфитеатром вокруг большого золотого стола и огромного золотого трона.

А со второго взгляда проступало сходство с детской площадкой или парком развлечений. На некоторых из кресел можно было качаться, как на качелях. Другие крепились на больших пружинах, так что сидевшему приходилось балансировать, чтобы удержать равновесие. В одном из углов комнаты я увидела гигантскую песочницу. В ней кто-то увлечённо строил песочный замок. Многие из сидевших на крас-

ных креслах людей ели мороженое или попкорн. Кто-то обстреливал остальных вишнёвыми косточками.

Члены этого «парламента» выглядели странновато. Среди них наш Куриноногий посланник вообще не казался достойным особого внимания. Многие «парламентарии» носили красные носы, как у клоунов. У некоторых лица были раскрашены гримом. Я видела человека с петушиным гребнем и человека с причёской, поднимавшейся по обе стороны головы, как витые рога. Видела людей маленьких, как гномы, и огромных, как великаны. У некоторых были хвосты. Все беспрестанно шумели, галдели, шлёпали друг друга по макушкам и коленям. Они вообще вели себя в высшей степени развязно. Я бы сказала, как дети, внезапно оставшиеся без надзора строгого воспитателя.

Куриноногий крепко взял нас за руки (чтобы не сбежали?), провёл к первому ряду и усадил там. Мне досталось кресло-качели. А вот Тиму не повезло: при каждом движении его кресло издавало громкий пукающий звук. Когда Тим обнаружил это, то сильно покраснел и замер, стараясь не шевелиться.

Внезапно раздался скрип, переходящий в стон, который превратился в хихиканье. За золотым тронном распахнулись двустворчатые двери и раздался звук фанфар. В проёме показался толстенький лысоватый человек. Вокруг его лысины было пушистое облако кудрявых золотистых волос, поднимавшееся к потолку и окружавшее его голову, как корона.

Только надо лбом «короны» не было: там была честная лысина. Вокруг маленьких невыразительных глазок были нарисованы густые чёрные круги. Лицо блестело от пота.

Человечек был одет во что-то вроде длинной разноцветной шубы до пола. Видимо, он был председателем этого дурацкого правительства. Он важно подошёл к трону и уселся на него. Сидение заколыхалось: золотой трон оказался надувным.

Лысый Председатель величественно положил пухленькие ручки на золотой стол, осмотрел собрание и спросил немного визгливым голосом:

– Пришельцы здесь?

На нас с Тимом упал яркий луч прожектора. Мы зажмурились. Председатель кивнул и продолжил озабоченным тоном:

– Господа, сегодня мы собрались по крайне важному делу!

Тут я вздрогнула, поскольку собравшиеся в этом зале разразились оглушительным смехом, овациями и криками. Кто-то даже запел что-то, напоминавшее марш. Кресло Тима выдало громкий торжествующий пук.

Председатель спокойно дожидался окончания какофонии. Мы сидели так близко к нему, что я видела, как на лбу у него собираются капельки пота. Наверное, ему было жарко в шубе. Когда установилась тишина, Председатель продолжил:

– Как вы знаете, в последнее время участились случаи

землетрясений. Это может привести к полному разрушению нашего дворца и всей страны.

Взрыв смеха и ликования. Капли пота на лбу Председателя начали собираться в маленькие ручейки и стекать вниз.

– Необходимо найти способ прекратить это безобразие и остановить землетрясения.

Я начала подозревать, что всеобщий смех – это что-то вроде аплодисментов. Многие хохотали до слёз. Это было так заразительно, что я начала смеяться вместе с ними. Тим сидел неподвижно с чрезвычайно сосредоточенным выражением.

По лицу Председателя уже всю стекали струйки пота. Там, где они пересекались с чёрными кругами вокруг его глаз, возникали тёмные вертикальные полосы.

– Поэтому мы пригласили сюда пришельцев, чтобы они решили эту проблему.

На этот раз я не засмеялась с остальными. Как мы должны разобраться с их землетрясениями?!!

Председатель несколько раз вытер струйки пота с лица, отчего чёрные полосы стекавшего пота превратились в размазанные горизонтальные серые усы. К этому моменту вид у него стал жутковатый.

– Прошу вас незамедлительно отправиться к Черепахе. Выясните причину проблемы и пути её решения. Вопросы есть?

На этот раз ответом на речь Председателя было сдержан-

ное хихиканье по углам.

Я встала с качелей, поклонилась и сказала:

– Уважаемый Председатель и члены правительства. Мы благодарим вас за оказанную честь.

Эти человечки любили смеяться без причины, так что я решила немного пошутить, чтобы разрядить обстановку:

– Очень постараемся не подвести вас, если вы подвезёте нас к черепахе.

Ответом на мой каламбур было гробовое молчание, только кресло Тима вздохнуло и выдало томный протяжный пук.

– Хочу всё же уточнить, как нам найти эту черепаху?

Усато-полосатый Председатель нервно дёрнул за завязки шубы. Она спала с его плеч и разлетелась на мелкие кусочки. Я с изумлением увидела, что шубу составляли сцепившиеся между собой маленькие разноцветные птички. Оставшийся в полосатом жилете на голое тело Председатель удовлетворённо вздохнул и сказал:

– К Черепахе ведут указатели.

Тим перестал обращать внимание на своё пукающее кресло и вступил в разговор:

– А как мы поймём, в чём причина землетрясений? Неужели черепаха сможет рассказать?

Ответом Тиму был очередной взрыв хохота. На этот раз смеялся даже до сих пор невозмутимый лысый Председатель. Внезапно раздался оглушающий звук гонга. Оставив вопрос Тима без ответа, все, включая Председателя, подня-

лись и разом покинули зал. Кто бегом, кто прыжками, кто на самокатах или велосипедах, а некоторые укатились колесом.

Через пятнадцать секунд мы с Тимом остались одни в пустом зале, среди валяющейся мишуры, разбросанных конфетти и серпантина. После громового хохота и шума воцарившаяся тишина казалась оглушительной. И только кресло Тима негромко испускало утомлённый пук.

Шутовской дворец был больше похож на цирк, чем собственно на дворец. Мы искали указатели и заглядывали в разные комнаты. Все они были совершенно невероятными. В одной стены были покрашены краской с запахом шоколада и мороженого. В другой полы пружинили, как батут, стоило на них наступить. В картинной галерее мы просто покатывались от смеха: все портреты были нарисованы как шаржи, у многих были мелом подрисованы усы, бороды и рога. Был там и тир, в котором надо было стрелять друг в друга пирожными. И театр, откуда доносились оглушительные раскаты хохота. Кругом была куча соблазнов и развлечений. Но нам нужно было разыскивать эту загадочную черепаху!

Указателей во дворце было много, в основном довольно странные. К примеру, я встречала указатели с надписями «Хохотальня», «Успокойльня», «Танцевальня». На других надписей не было, но были странные изображения: лопата, расчёска с вилкой, парашют. Иногда указателями слу-

жили скульптуры, протягивая направо или налево свои мраморные пальцы или лапы. Попадались и «черепашьи» указатели: иногда с изображением черепахи, иногда с надписью «к черепахе», а один знак был загадочно подписан «голова-хвост».

Мы добрались до гигантских дверей, ведущих из дворца. Они казались такими огромными, что я засомневалась, удастся ли их открыть. Тим повернулся ко мне и сообщил:

*– Перед нами открыта дорога,
Мы готовы. Осталось теперь
Перепрыгнуть ступеньку порога,
Чтоб закрылся за спинами зверь.*

– Может, дверь?

– Нет, зверь.

– Это что за бред?

Тим пожал плечами:

– Просто какое-то детское стихотворение, засевшее в памяти.

Нелепое стихотворение вполне подходило к нашему безумному путешествию. Тим поднажал плечом на огромную створку двери. Она распахнулась, и мы отправились в путь.

Шутовской город, в котором мы очутились, поражал воображение. Здания в нём были не только квадратные и прямоугольные, но и в форме шара, конуса, пирамиды. Раскра-

шены они были в самые разные цвета. В одни дома надо было забираться по верёвочной лестнице, в другие – запрыгивать с батута, а в некоторые можно было только заплыть или подняться по канату.

И дорога, по которой мы шли, была необычной: то деревянной, то железной, то синей, то жёлтой. Иногда в ней встречались и ловушки. Тим наступил на одну, и ему в лицо ударила струйка лимонада. Я рассмеялась, но тут же сама попала в капкан. Нам пришлось повозиться, прежде чем мы смогли извлечь мою ногу и пойти дальше.

Время от времени мы действительно ощущали толчки землетрясений. Они были довольно слабые, но каждый раз мной овладевал приступ паники. Вдруг сейчас что-нибудь обрушится на наши головы?

Местные жители были такие же чудные, как и строения вокруг. Носатые и почти безносые, лысые и с гигантскими шевелюрами, с огромными ножищами и ручищами, одноглазые, трёхглазые, горбатые, рыжие-синие-ослепительно белоснежные-зелёные, покрытые шерстью или чешуёй. По-моему, не было тут только обычных людей!

*– Здесь повсюду прекрасные морды,
Этот стар, этот зрел, этот молод.
Чтобы найти свою цель, пробирайся
Через этот загадочный голод.
– Может, всё-таки город?*

– Нет, голод. Ты можешь меня не поправлять. Это стихотворение в своё время так поразило меня, что я выучил его наизусть. И помню его дословно.

Я в ответ скептически покачала головой. Наверное, только Тим мог потратить своё время и усилия, чтобы выучить наизусть такой бред!

Вскоре город остался позади. Тим опять продекламировал:

*– А в лесу и легко, и приятно
По болоту бродить до утра.
И найдётся в лесу безвозвратно
Глубочайшая в мире гора.*

Я только махнула рукой. Перед нами не было ни норы, ни горы. Но мы остановились у очередной развилки в нерешительности. Указатель «к черепахе» там был, но он вращался во все стороны, как флюгер. Иногда стрелка указателя смотрела даже в землю или в небо.

Мы выбрали дорожку наугад. Она вводила в странноватый лес. Узловатые кривые деревья. Подозрительно крупные и ароматные плоды. Звенящие и свистящие звуки. Разноцветные тени от лучей, проходящих сквозь цветную листву деревьев. Странные запахи, от которых кружилась голова. Трава высотой до пояса.

Мне стало не по себе, но Тим вдруг рассмеялся и продолжил читать то безумное стихотворение:

– Погулять недолго ты вышел,

Лет на десять затеял прогулку.

И на ней неизбежно ты встретишь

Замечательно рыжую булку.

– А не белку?

– Э-э-э-э... сложно сказать, белка это или булка, – рассеянно проговорил Тим, разглядывая появившееся из кустов существо. Близко посаженные тёмные глаза-горошины, огромные уши, маленький плоский нос, короткие жёсткие волосы, руки с непропорционально длинными пальцами. Потёртый выцветший камзол, майка и шорты. Ростом оно было едва ли мне по пояс. Честно говоря, больше всего существо смахивало на шимпанзе.

«Замечательно рыжая булка» преградила нам дорогу и заявила:

– Никто не посмеет пройти вперёд, пока не отгадает загадок лорда Чукумаки!

– Хорошо, – согласился Тим, – пусть он придёт и загадает свои загадки.

– Он уже здесь, – важно ответило существо.

Мы огляделись по сторонам.

– Это я, – не теряя достоинства добавил «лорд».

Мы невольно рассмеялись. «Лорд» обиженно надулся и зловеще пробормотал:

– Первая загадка! Если десять мух... нет, сто... нет, тысяча! Если тысяча мух упадут в водоворот, где водятся синие киты, то сколько из этих мух смогут доплыть до жемчужины

на дне океана, достать её, продать, разбогатеть и стать членами Правительства? А?

Я оторопела от такой бессмыслицы. Но Тим не смутился. Он тут же начал рассуждать в ответ:

– Предположим, мухи, упавшие в водоворот, были в акваланге и ластах. Значит, их скорость движения под водой была равна или превышала скорость движения синего кита. Следовательно, кит сможет догнать и съесть не больше чем двести мух.

Для ныряния на дно океана у мух должно быть здоровое сердце и лёгкие. По статистике, проблемы с этими органами имеют приблизительно тридцать процентов мух. Значит, триста ныряльщиц за жемчугом останутся недвижно лежать на дне морском.

Остаётся пятьсот барахтающихся в воде мух. Примерно половина из них надорвётся, поднимая жемчужину. Двести пятьдесят храбрых (и здоровых!) мух поднимут жемчужину со дна. Они продадут её и поделят деньги. То есть разбогатеть смогут двести пятьдесят искательниц приключений.

Но двести сорок девять немедленно растратят полученное. Такова их мушиная природа! Следовательно, только одна сможет распорядиться деньгами благоразумно: приобретёт себе титул и войдёт в парламент. Возможно, эта муха даже возьмёт какое-нибудь звучное имя типа «лорд Чукумака», – закончил своё рассуждение Тим.

Чукумака слушал его с мрачным видом. Внезапно он на-

чал прыгать перед нами, махать руками и верещать:

– Нет... нельзя... слишком умные... будем драться... кто сильнее... меня не возьмёшь...

Я просто отодвинула «лорда» в сторону, и мы с Тимом отправились дальше. Чукумака позади верещал, как будто его резали. Он догнал нас и начал бросать в нас всякий мусор: косточки, банановую кожуру, листья, ветки и шишки. Это было не больно, но очень неприятно и досадно. Наконец я повернулась к «лорду» и сердито спросила:

– Что тебе надо? Зачем ты это делаешь?

– Я собираюсь не пускать вас к Черепахе, – важно заявил «лорд».

– А почему?

Вопрос явно застал Чукумаку врасплох. Он поскрёб в затылке, потом почесал подбородок, обхватил голову руками и сообщил не очень уверенно:

– Потому что Черепаха очень занята?

– И чем же она занята?

«Лорд» явно не знал, что мне ответить. В разговор вступил Тим. Он мягко предложил «лорду»:

– Пошли с нами. Нам тоже любопытно узнать, чем занята черепаха.

Мы пошли вперёд. Спустя некоторое время к нам присоединился Чук. Так лорд Чукумака милостиво разрешил нам называть себя.

Идти приходилось осторожно: земля под ногами дрожала. Иногда попадались упавшие деревья и провалы в почве. Толчков землетрясений стало больше, и их сила тоже увеличилась. В конце концов наша тропа внезапно оборвалась. Она упёрлась в огромный камень, преграждавший дорогу.

– Всё? Конец пути? – растерялась я.

Тим очень серьёзно ответил мне:

– Всё в пути испытал, всё увидел:

Смех, любовь, парашют и испуг.

Хорошо, что с тобой был повсюду

Верный, нужный и преданный круг.

Я невольно рассмеялась. Мы подошли к камню и выглянули из-за него. За ним лес заканчивался и начиналась большая каменистая пустошь. Она лежала в море облаков как одинокий пирожок на тарелке. Облачное море прорезал только один мыс, выступающий из каменной пустоши. На мысе сидело огромное существо. Лохматое, с острыми ушами, красноватой глинистого цвета кожей, могучими плечами, тоненькими ножками, сутулой спиной и унылым выражением лица. Это существо было выше нас с Тимом по меньшей мере в два раза. Больше всего оно походило на тролля из страшных сказок.

– Чук, – тихонько позвала я, – это кто?

Чук одним прыжком взобрался на камень, осмотрел окрестности, спустился, почесал за ухом и сообщил:

– Это Страж Черепахи.

– Страж черепахи? – я старательно выглядывала из-за камня, стараясь разглядеть черепашку в руках чудовища. – А где же черепаха?

В этот момент Страж Черепахи начал что-то приговаривать низким гулким голосом. Слышалось что-то вроде «моя хорошая» и «я тебя почешу». Страж начал гладить и чесать поверхность мыса, на котором лежал. Земля у нас под ногами опять содрогнулась.

– Вот и Черепаха, – тихонько сказал Тим.

И тут я увидела, как открылся и закрылся огромный глаз на мысе. Это же голова Черепахи! А мы сейчас провели четыре часа, шагая по её панцирю! Весь этот мир стоит на Черепахе! Невероятно! Чук к тому времени уже ускакал, так что я поделилась своей догадкой с Тимом:

– И землетрясения происходят оттого, что Страж тербит Черепаху?

– Угу. Пока Черепаху щекочут и развлекают, землетрясения не прекратятся.

– Тим, тебе надо пойти и поговорить с ним.

– С кем?

– Со Стражем Черепахи.

– О чём? – оторопел Тим.

– О том, что он неправ. Не надо так делать. Пусть прекратит щекотать Черепаху.

Тим опасливо выглянул из-за камня.

– Может, ты сама с ним поговоришь?

– Слушай, может, ты ещё не заметил, но дипломатические переговоры – не моя стихия. Помнишь, как я всё испортила у Копал? А вот ты сможешь его убедить, найти к нему подход.

Тим вздохнул и согласился. Он вышел из-за камня и направился к Стражу Черепахи.

Тим убеждал его изо всех сил. Слов мне не было слышно, но я видела, как Тим яростно жестикулировал. Он показывал то на голову Черепахи, то на её панцирь. Махал руками. Подпрыгивал. Пытался начертить что-то палочкой на земле. Топал ногами. Казалось, скоро он начнёт уже танцевать от отчаяния. Страж Черепахи иногда лениво посматривал на него, но большого интереса не проявлял.

Когда Тим вернулся, лицо его ничего не выражало. Это было замогильное спокойствие человека, убедившегося, что помочь не сможет уже ничто.

– Это существо, – начал Тим рассказывать очень медленно и внятно, – очевидно, не относится к числу разумных. Даже неандерталец рядом с ним выглядел бы доктором наук. Я ему подробно объяснил, что то, что происходит с Черепахой, вызывает разрушения по всей стране. И ты знаешь, что он мне ответил?

Честно говоря, я догадывалась. Но из вежливости уточнила:

– Что?

– Что ему наплевать. Удивительно примитивная психология. Логика тут бессильна.

Тим порывисто достал из кармана расчёску и раздражённо причесался. Я размышляла. Доводы рассудка не сработали. Приказывать такому огромному чудовищу бесполезно... Угрожать тоже... Но как убедить Стража оставить Черепаху в покое?

В этот момент раздались уже знакомые звуки. Затрещал кинопроектор, и передо мной развернулось новое воспоминание.

– Мама, что случилось? – спрашивает Рири.

Мама возмущённо суёт ей в руки газету:

– Ты это видела?

Газетёнка самая завалиющая, из тех, что печатают в школе тиражом в пару десятков экземпляров. И новости в ней печатают только школьные. Чем же так расстроена мама? Рири листает газету. Весь выпуск посвящён конкурсу на лучший рассказ среди учеников школы. Тема конкурса – «Самые лучшие родители». В газете напечатаны сочинения победителей.

– А что случилось? – не может понять Рири.

– Читай!

Рири пробегает глазами по страницам. Все рассказы ужасно скучные и одинаковые, как будто написаны одним человеком. «Самые лучшие родители на свете – это мои

мама и папа. Мама всегда заботится о нас. Папа играет со мной в футбол. Как я рад, что у меня такие родители». Вдруг один рассказ цепляет внимание Рири, она начинает его читать внимательно. Текст написан язвительно и едко. Рири хихикает.

«Идеальным родителем мог бы быть робот. Он без жалоб убирает и моет грязную посуду, гладит бельё, готовит только то, что в нём запрограммировано мной, не требует отчётов о том, чем я занималась. Мои старые предки рядом с такой чудесной картиной выглядят особенно допотопными и ветхозаветными. Мне, конечно, приходится их любить в глубине души, но всё же попробую уговорить их купить робота. Думаю, нам всем пойдёт на пользу, если мы перестанем ругаться из-за грязных носков или невыполненной домашней работы».

Рассказ написан легко и увлекательно. Рири с удовольствием дочитывает и поднимает глаза на маму. Она всё ещё не понимает, в чём проблема.

– Это твоя сестра постаралась! Опозорила нас перед всей школой! Какое неуважение к нам! И знаешь, что самое ужасное? – делает мама большие глаза. – Она получила за это первое место в школьном конкурсе!

Рири начинает хохотать, держась за живот.

Кинопроектор смолк.

Какое странное воспоминание! Как оно может нам по-

мочь? Я решила спросить у «Помогательной книги». Та чуть ли не выпрыгнула из кармана мне в руку. Видимо, Молли уже соскучилась по общению.

Привет, мои дорогие! Как у вас дела? Надеюсь, вы здоровы? Продвигаетесь в своих исследованиях?

Слова на страницах книги возникали так быстро, что я просто не успевала ничего отвечать книге.

– Молли, я сейчас видела странное воспоминание. Я не могу понять, чем оно может быть полезным. Ты не подскажешь?

Я рассказала про своё воспоминание. Книга незамедлительно нарисовала смеющийся смайлик.

:-D Рири, деточка. Ты же в мире Шута. Что делает Шут?

– Веселит? Шутит?

– Издевается? – предположил Тим.

Да, в том числе и издевается. Плюёт на правила и порядки. Выворачивает всё наизнанку: делает серьёзное смешным, а к смешному относится очень серьёзно.

Серьёзное смешным? Важную и трепетную тему про родителей подать так, чтобы все смеялись? Я начала понимать, что к чему.

– Значит, – медленно сказала я, – если шута нельзя взять ни доводами рассудка, ни приказами... если у шута всё шиворот-навыворот...

– Значит, в критических ситуациях следует забавляться и паясничать, – закончил за меня Тим. – Давай-ка мы им это и посоветуем!

Он пошарил в карманах своих огромных штанов. Из одного он извлёк помятый, но чистый лист бумаги, а из другого – ручку.

– Назовём наше творение «Манифест». Отличное слово для торжественных случаев!

Когда мы закончили наш «манифест», у нас от смеха болели животы. На самом деле, чтобы решить проблему землетрясений, нам нужен был только Чук. Но Тим утверждал, что манифест придаст изысканность нашей затее. В этом был определённый стиль, не могу отрицать.

– Лорд Чукумака! – торжественно обратился к нему Тим. От такой чести тот выронил из рук банан и с подозрением посмотрел на Тима. – Вы – наша единственная надежда. Только вы с вашим умом, обаянием и изобретательностью сможете выманить Стража отсюда и доставить во дворец и его, и вот этот документ, – Тим протянул Чуку наш «манифест». – Члены правительства, несомненно, оценят ваш подвиг и предложат вам занять какую-нибудь высокую должность.

Наш «лорд» гордо выпятил свою чахлую грудь. Мы объяснили Чуку, что ему надо будет сделать. Он зачихал «манифест» в карман и поскакал к Черепашьему Стражу. Чук

взобрался ему на плечо и начал что-то заливисто щебетать. Страж оживился и поднял свою огромную голову.

До нас долетал визгливый голос Чука:

– Тысяча мух... нет, десять тысяч... сто тысяч мух...

В ответ раздавались гул и низкое мычание Стража. Он удивлённо разводил руками и качался из стороны в сторону. Чук запел что-то бодрое. Страж начал пританцовывать в такт. Чук спрыгнул с его плеча и не спеша пошёл прочь. Страж, как очарованный, медленно поднялся и двинулся следом. Иногда Чук срывал бананы и угощал Стража. Тот ел их вместе с кожурой. Мы смотрели им вслед, пока высокий голос Чука и ответное гудение Стража не затихли вдали. Земля под нашими ногами была неподвижной.

Внезапно Тим вскинул руку и посмотрел на часы:

– Быстрей! Дверь активирована!

Надо было срочно её найти! Я была уже сыта по горло Шутовскими забавами. Пора было уходить отсюда. На циферблате часов Тима горела стрелка. Она указывала куда-то в сторону Черепашьей головы. Мы побежали туда и там остановились, беспомощно оглядываясь.

Мы стояли среди открытого пространства. Двери не было. Не было ничего, где она могла бы быть. Ни стены, ни скалы, ни пещеры. Тим замер. Я бестолково бегала вокруг. Вдруг я запнулась.

– Тим, тут кольцо!

– Какое кольцо?

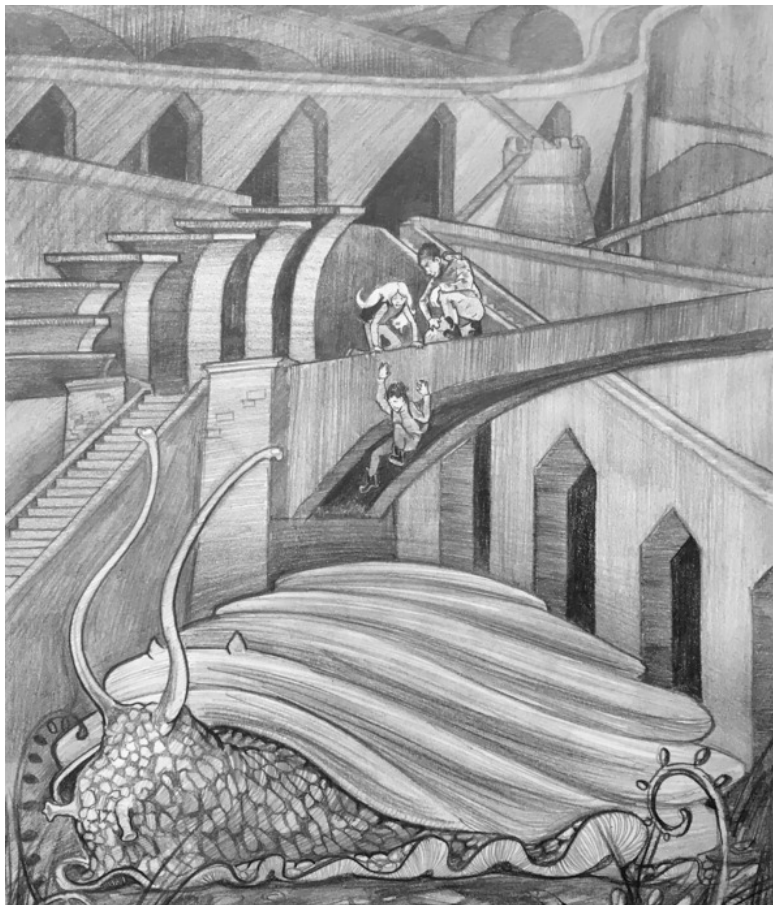
– Не могу понять... Слушай, мы же на черепахе? А откуда тогда?...

– Точно! Эта часть панциря не роговая, а металлическая! Рири, это и есть дверь!

Я смахнула рукой песок. На вмонтированной в панцирь двери была отлита надпись: «ГЕРОЙ».

Я потянула за кольцо. Дверь не шелохнулась. Тим присоединился ко мне. Мы провозились добрых пять минут, прежде чем смогли распахнуть дверь. Она открылась со странным звуком, похожим на рёв или стон. Тяжело дыша, потные и уставшие, мы глядели на серую дымку тумана. Может быть, и в этот раз нам достанется какой-нибудь замечательный мир? Такой, где можно отдохнуть и повеселиться? Есть только один способ узнать, так ли это. Надо шагнуть внутрь.

Глава 6. Герой: как совершить подвиг

И снова мерзкий мармелад тумана! Ощущаешь себя мухой, вылезшей из банки с джемом. Ты весь в варенье: нос, рот, уши, волосы, одежда. К этому невозможно привыкнуть. Через несколько секунд это чувство проходит, но секунды эти кажутся беспросветно долгими.

Когда ко мне вернулась способность видеть ясно, я огляделась. Мы очутились в отвратительном месте.

Бетонный коридор убегал вдаль, щетинясь чёрными дырами ответвлений ходов. Я нечаянно дотронулась до стены и отдёрнула руку. Стена была сырая и холодная. Что-то трещало и скрипело. С потолка на голом проводе свисала лампочка. Её свет нервно мерцал. Она никак не могла решиться, покоптить ли серый потолок ещё часок или с неё уже хватит.

В мерцающем свете лампочки наша новая одежда выглядела почти зловеще. На мне было что-то вроде мундира, поверх которого был надет бронежилет, штаны цвета хаки и высокие армейские ботинки. Поверх ботинок были надеты съёмные лезвия коньков. За спиной у меня был небольшой вещмешок.

Взглянув на Тима, я ахнула.

– Они настоящие?

На нём были шлем, кольчуга и доспехи.

– Не думаю. Нет, точно нет. На вид совсем как настоящие, но слишком лёгкие.

На ногах у Тима была обувь, похожая на латные башма-

ки средневековых рыцарей. Поверх башмаков тоже были застёгнуты съёмные лезвия. Эти коньки в сочетании с бронежилетом и латами особенно меня озадачили. Но на бетонном полу коньки бесполезны, поэтому мы их сняли и засунули в вещмешки.

– Может, где-нибудь рядом есть дверь перехода? – немного нервно спросил Тим.

Я тоже была не против найти мир поприветливее. Желания проверить прочность бронежилета у меня не было. Я нащупала «Помогательную книгу». В этот момент изнемогшая лампочка затрещала, отчаянно замигала и окончательно погасла. Вздохнув, я сказала Тиму:

– Всё же придётся сходить на разведку. В этой темноте мы карту не увидим.

Мы дошли до следующей лампочки под потолком бункера. И та перегорела раньше, чем я успела раскрыть книгу. Пришлось идти дальше по мрачному коридору. За поворотом мы увидели огромный круглый зал.

Он был такой высоты, что разглядеть потолок было невозможно. В полу было огромное отверстие. Внутри булькало что-то раскалённое. Неужто лава? Может ли это быть кратер вулкана? На небольшой площадке рядом с «вулканом» стояло заброшенное покосившееся строение. Облупившаяся вывеска сообщала, что это «Магазин дядюшки Экуша».

– Молли, привет. Где мы, кто мы, куда мы, зачем мы?

Привет, дорогая. По вопросам о смысле жизни – не ко мне. Я могу показать двери.

– Годится.

«Помогательная книга» раскрылась на развороте с надписью «ГЕРОЙ». Страницы разворота были подпалены по краям. Из этого мира вели семь дверей. И все они были разбросаны по противоположному от нас краю карты. Тим вздохнул. Его надежды на то, что дверь перехода окажется близко, не оправдались.

В этот миг распахнулась дверь магазина. Оттуда вышел мрачный молодой человек, который точно не мог быть «дядюшкой». У него были короткие светлые волосы, торчком стоящие над высоким лбом, подозрительный прищур и щетина, грозящая стать бородой. Он был одет в камуфляжный костюм и солдатские ботинки. В руках суровый мужчина нёс котелок и устройство, похожее на спиннинг.

Дойдя до отверстия с лавой, он вытащил из кармана кружку и зачерпнул воды из котелка. Потом присел на корточки и стал возиться со своей вроде-бы-удочкой. После этого человек выпрямился, взял в руки спиннинг и начал крутить катушку удочки. Но к леске был привязан не рыболовный крючок, а кружка. Человек спускал её в жерло вулкана. «Удобный способ вскипятить чаю, ничего не скажешь», – пробормотал Тим.

Человек так был занят своими манипуляциями, что не услышал, как мы к нему приблизились. Чтобы привлечь

его внимание, я кашлянула. Он всё бросил, молниеносно развернулся на месте, выхватил огромный нож и встал в боевую стойку. Мы застыли. Увидев, что перед ним всего лишь двое детей, человек убрал нож в ножны и с досадой посмотрел в бурлящее отверстие, куда упали его кружка и кипяточный спиннинг.

– Давно здесь никого не было, – сказал человек резким голосом, каким отдают команды.

– Здравствуйте. Мы Рири и Тим. У нас задание, – почему-то прибавила я. – Нам надо выбраться из бункера.

– Это вообще выполнимо? – уточнил Тим. Он прислушивался к доносившимся издали звукам.

– Проводите нас? – спросила я одновременно с Тимом.

– Нечего делать, – отрезал человек, утративший кружку. – Путь пустяковый. Как прогулка по летнему саду.

– Значит, мы сами доберёмся?

Человек без кружки пристально осмотрел нас. Как будто мысленно измерил наши параметры: рост, вес, сила, ловкость.

– Доберётесь. Сколько у вас в запасе времени?

Тим посмотрел на свои часы:

– Четыре часа тридцать семь минут.

Человек немного подумал.

– Годится только кратчайший путь. По канатной дороге. Потом через каток («Вот зачем нам коньки!»). По верёвочной лестнице. По оленьей дорожке. Затем через лабиринт.

Там останется только пересечь Драконью пропасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.